

РОМАН СУВОРОВ

ТАЙНЫ
ПЁСТРЫХ
ПОДГОЛОСКОВ

ТОМ I

СТЕЛЛАМИН 2

Стелламин

Роман Суворов
**Тайны Пёстрых
Подголосков (том I)**

«Автор»

2026

Суворов Р.

Тайны Пёстрых Подголосков (том I) / Р. Суворов — «Автор»,
2026 — (Стелламин)

ISBN 978-5-6054799-1-8

Продолжение атмосферного мистического романа, действие которого развивается в фэнтезийной вселенной, казалось бы, отличающейся от нашей, но так на неё похожей! После пропажи ротмистра Рыжкова уездная жандармерия пытается наладить работу своего третьего чародейского отделения, занимающегося приглядом за потусторонним, учётом ведьм, окоротом мелкой нечисти и противодействием колдунам и магам. В середине осени 1901 года из столицы Российской Империи поступает депеша с приказом: безотлагательно заняться поисками шаманов, покинувших провинциальный Н-ск вместе с труппой блистательного театра «Паяччо», но так и не добравшихся до столицы. Смогут ли кудесники Н-ской жандармерии отыскать следы пропавших Фанг Хэ и Сиу Лин? Защитит ли директор театра «Паяччо» фокусника и его ассистентку? И какую роль в исчезновении шаманов сыграет Тайное Общество Вольных Колдунов и Магов?

ISBN 978-5-6054799-1-8

© Суворов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ПЕРСПЕКТИВЫ	8
СОМНЕНИЯ	18
НОВАЯ ПОМОЩНИЦА	29
УЖИН У РЫЖКОВОЙ	37
ПОИСК ШАМАНОВ	45
ИСТОРИЯ СИУ ЛИН	55
НЕЖДАННОЕ ПОПОЛНЕНИЕ	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Тайны Пёстрых Подголосков (том I)

ПРОЛОГ

Это художественное произведение является плодом авторского воображения. Все персонажи, включая интерпретации исторических лиц, события и организации вымышлены. Любые сходства с реально существующими или существовавшими людьми, фактическими событиями или учреждениями являются непреднамеренными и случайными.

* * *

Весна 1894

Москва

— Следующий! — громко, но сдержанно позвал Лев Михайлович, старательно выводя что-то то в толстом гроссбухе.

Дверь отворилась, и порог перешагнул довольно молодой, но уже начавший лысеть кругленький, румяный человечек: по виду — то ли мелкий лавочник, а то и вовсе приказчик.

— Доброго дня, господин Красновский! — Подобострастно улыбаясь, посетитель приблизился, сел на краешек стула и пристроил на колено серый в мелкую клетку английский кепи. — Позвольте представиться, Константин Ильич Девин, купец третьей гильдии. — Проситель слегка замялся, то ли вздохнул, то ли набрал воздуха и вкрадчиво, полушёпотом продолжил: — Мне Вашу нотариальную контору бчень рекомендовала Надежда Тихоновна. — Сказав это, он смешался и многозначительно замолчал.

Готовясь к бою, в углу кабинета глухо закричали старые часы.

— Так чем я могу быть Вам полезен? — прервал затянувшуюся паузу Лев Михайлович, не отвлекаясь от записей.

— Дело в том, что пять лет назад скоропостижно скончалась моя матушка, оставив нам с братцем налаженное дело да небольшой капиталец. Брат Николай быстро прокутил свою часть; заложил половину семейного особнячка; промотал и это. Когда деньги кончились, а все приятели-прихлебатели улетучились, подхватил чахотку, да и сгорел чуть меньше чем за год... — Тут молодой человек всхлипнул.

Старые часы хрипло отбили четверть.

— Соболезную Вашему горю, — вставил нотариус ровным, без интонаций, голосом, продолжая писать. — Так с каким же вопросом Вы посетили мою контору?

— Понимаете, — Константин поёрзал на стуле, собираясь с мыслями, — в ту пору, когда брат не до конца ещё спустил свою часть наследства, имел он неосторожность жениться на некоей девице, из тех, что порой крутятся в обществе сорящих деньгами повес. Впрочем, стоило последним средствам закончиться, та исчезла из его жизни чуть ли не быстрее лжедрузей. — Купчик пожал плечами и опять замолчал, вроде бы залюбовавшись, как старик что-то выводит в гроссбухе твёрдым, очень разборчивым почерком.

— Такое бывает, — заметил Красновский, — продолжайте.

— И вот, не успел я справиться по Николаю и сорока дней, как вдруг является ко мне «безутешная вдова»! — возмущённо повысил голос Девин. — Предъявляет выправленное честь по чести свидетельство о проведённом при двух свидетелях обряде венчания; завещание матушки, о том, что-де всё её имущество делится пополам меж нами с братом; и требует от меня возместить половину стоимости лавки, отдать половину средств со счёта в банке и потесниться в моём доме, так как другого жилья у неё нет, и покамест намерена она заселиться на половине, что занимал при жизни брат.

— Я так понимаю, вы с Николаем Ильичом вместе вступили в наследство, но никак не оформили раздел имущества? — отвлёкся от писанины Красновский.

— Так и есть, — потупился Константин. — Какой делёж между братьями?

— Очень опрометчиво. — В голосе Льва Михайловича прорезался едва уловимый акцент.

— Кабы знать об этой женитьбе, может и поделили бы, — вновь вздохнул купец. — А так... Ведь мало что промотал братец свою долю, а ещё и закладную на его часть особняка пришлось выкупать.

— Ясно... Понятно... — протянул Красновский. — Ну, а чего Вы, любезнейший, от меня ждёте?

— Люди шепчутся, что Вы, уважаемый Лев Михайлович... — Проситель вытащил из кармана клетчатый платок и смахнул со лба выступившие капельки пота. — Говорят, что, дескать, Вы... решаете подобные проблемы.

Нотариус, не выражая никаких чувств, продолжал смотреть на купца, ожидая продолжения.

Часы отбили половину.

— Вот-с. — Константин достал благородно звякнувший кошель и почтительно положил его перед стариком.

Красновский поднял бровь.

— Да, да, конечно-с. — Рядом с кошелём звонко уместился ещё один, по виду столь же пухлый.

— Вы же понимаете, что именно у меня просите? — сверкнул льдисто-голубыми глазами Лев Михайлович.

— Конечно, милостивый государь! Мне бы бумагу, в которой Вы свидетельствуете, дескать мой покойный братец сполна получил свою долю наследства и никаких денежных претензий ко мне не имеет, — затараторил осмелевший купчик, не отрывая взгляда от двух мешочков. — Надежда Тихоновна сказала, что Вы обстряпываете такие дела. Для своих.

Нотариус протянул руку. Взял один кошель. Взвесил его на ладони, развязал тесёмку и удовлетворённо хмыкнул. Потом проделал то же со вторым мешочком.

— Что ж, — цыкнул уголком рта Красновский. — Этого хватит на реагенты. Но... Даже если «для своих», каков мой интерес?

— Конечно-конечно, — смешался Девин. — Вот-с. — Из внутреннего кармана просторного сюртука на стол перекочевала пачка ассигнаций.

— Совсем другое дело! — осклабился Лев Михайлович, алчно потеряв друг о друга ладони. — Ждите.

Нотариус встал из-за стола. Покачался с носка на пятку, разминая затёкшие ноги. Подошёл к незаметной маленькой двёрке и скрылся в задней комнате.

Проситель сидел недвижимо. Равнодушно оглядывал он забитые бумагами массивные шкафы, пыльные тёмные гардины и тонущие в тенях, затянутые паутиной углы.

Часы нехотя отбили три четверти.

Из задней комнаты слегка потянуло ароматом прелой травы. Кабинет наполнила холодная серая стылость, проникнувшая за ворот посетителю, и тот, посерев лицом, подёрнул в ознобе плечами.

Неприметная двёрка вновь отворилась. Появился сияющий, будто сбросивший десяток лет нотариус. Пружинисто подошёл к рабочему столу и с размаху плюхнулся в застонавшее под ним старое кресло.

— Что же, милейший господин Девин, — лучась улыбкой, начал Лев Михайлович. — Пожалуй, я могу удовлетворить Вашу просьбу. Возвращайтесь через часик и заберите у секретаря свидетельство, что ваш брат уже получил причитающуюся ему долю наследства.

— Спасибо! Спасибо, дорогой Вы мой! — затараторил кúпчик. — Просто камень с плеч!

— Единственно... — остановил того нотариус резким жестом. — Новоявленную невестку придётся в доме принять.

— Как?! — вскочил Константин Ильич, хватаясь за сердце. — Она же! Она... Плутовка! Мошенница! Вертихвостка! — Лицо лавочника налилось дурной кровью, и он упал на посетительский стул.

— Остыньте, уважаемый! — в меру жёстко остановил посетителя Красновский. — Такова последняя воля Вашего брата, Николая Ильича. Я всего лишь нотариус: слово в слово заверяю то, что поведал мне мой доверитель. Если покойный пожелал отблагодарить женщину, подарившую ему свою нежность, пусть так и будет. Ступайте!

Нотариус вновь взялся за гроссбух и продолжил прерванные записи, но тут же отвлёкся:

— И не дай Бог об этом нашем дельце прознает жандармерия. Дело это — подсудное. По законам Российской Империи, карается пожизненной каторгой.

— Да что же я, без понимания? — залебезил взявший себя в руки Девин. — Надежда Тихоновна предупреждала, не извольте беспокоиться-с! — Посетитель, кланяясь, стал пятиться к выходу. — Дай Вам Бог, господин нотариус, дай Бог! — сладко пел он, аккуратно притворяя дверь.

— Не забудьте оплатить секретарю гербовый сбор! — крикнул Лев Михайлович вслед купчику и проворчал себе под нос: — Этот благодарственных писем писать не станет...

* * *

Старые часы за тяжёлой дверью кабинета начали отбивать полный час.

— Тьфу ты, некромант проклятый... — злобно, но с явным облегчением прошипел лавочник и, отойдя подальше, сплюнул в угол.

ПЕРСПЕКТИВЫ

* * *

12 октября 1901

Н-ск

— Нет никого! — резко окликнул Дмитрий Иванович пожилую просительницу, прошмыгнувшую мимо него к двери кабинета начальника третьего отделения Н-ской уездной жандармерии.

— Мне только спросить... — буркнула дама, ухватилась за ручку и несколько раз её дёрнула.

— Говорю же, ротмистра нет! — гаркнул адъютант. — Вообще нет!

— Как нет? А когда будут? — Старушка отошла от двери и нависла над поручиком. Лицо её будто бы даже чуть вытянулось вперёд от предвкушения и было озарено крайним любопытством.

— Пока неизвестно, — пожал плечами Егоров. — Вы разве не знаете, что господин Рыжков на службе отсутствует, с самого дня отъезда из города театра «Паяччо»?

— А-я-яй, как же так? Слёг?... — завохтала посетительница. — А я-то у детей гостила, с внуками сидела, месяц в городе не была. А что произошло-то? Здоровье? Или с семьёй что?..

— У Вас какое-то срочное дело? — прервал поток предположений распалившейся старушки поручик, понявший, что ещё чуть-чуть и его начнут пытаться.

— Да нет, нет, ничего срочного, — отмахнулась престарелая дама. — Небось Анна Петровна всё в подробностях знает? — задумчиво протянула она. — Пойду я. Доброго здоровьица, господин адъютант. — И скрылась с неожиданной для своих лет скоростью.

«Мёдом им тут намазано, что ли? — проворчал про себя Егоров. — Неужели в полицию и в пожарную часть эти неужённые со своими „наиважнейшими делами“ тоже как на службу ходят?»

— Дмитрий Иваныч, Вас к себе их высокоблагородие требуют! — В приёмную заглянул Кошкин, секретарь уездного жандармского исправника.

— Здравствуйте, Олег Филиппович! Сию минуту буду, — вскочил поручик и направился вслед за ним.

— А что, поручик, есть новости? — осведомился Кошкин, шествуя по коридору на полкорпуса पहले Егорова.

— Увы, — развёл руками адъютант начальника третьего отделения. — Как исчез он, с тех пор никаких новых известий и не имею.

— Н-да-с.

— А зачем полковник вызывают, не знаете?

— Как не знать, знаю...

— И?

— Да не спешите, Дмитрий Иванович, сейчас сам вам всё и расскажет.

* * *

В кабинете исправника было натоплено и сумрачно. Полузадёрнутые тяжёлые шторы едва трепетали от небольшого сквозняка, текущего из приоткрытых окон. Полковник Вилеж

что-то яростно черкал в бумагах, низко склоняясь над освещённым одной лишь тусклой лампой столом.

— Владимир Петрович, может, включить освещение?

— А? — вскинулся исправник, увлечённый и, видно, не заметивший вошедших. — Да, да, Олег Филиппович, сделайте милость!

Кошкин потянулся к скрытому за колонной рубильнику, щёлкнул им, и просторный зал зимнего сада залил резкий электрический свет. Вилеж ещё раз со вздохом взглянул на бумаги, отодвинул их и отложил перо.

— Присаживайтесь, господа, — со вздохом начал он. — Дмитрий Иванович, скажите, не надоело ли попусту сидеть в приёмной?

— Нисколько, — сипловато ответил явно ожидавший вопроса поручик. — Хочу, чтобы к моменту возвращения ротмистра все дела были в безусловнейшем порядке.

— Похвально, — протянул полковник. — Очень похвальное рвение. Однако же жандармское управление более не может обходиться без начальника третьего отделения.

— А как же Антон Владимирович? — расстроился Егоров. — И кого прочат на должность?

— Думаю назначить Вас, Дмитрий Иванович.

— Но... — растерялся поручик. — Я чином не вышел, да и как чародей пока не гожусь! К тому же велика вероятность, что Антон Владимирович вернётся...

— Увы, тому уже скоро месяц, как ротмистр пропал, — развёл руками исправник. — Штатный кудесник и начальник третьего отделения мне нужен прямо сейчас. А с чином мы как-нибудь решим.

— Не подумайте, что манкирую или как-то хочу увильнуть, однако... — Поручик чуть сморщился и повертел в воздухе пальцем. — С того момента, как приснопамятный «Паяччо» наконец покинул Н-ск, в городе тихо. Лишь всегдашние... гхм... почтеннейшие посетительницы от безделья или по блажи снуют с жалобами: то тень им в курятнике привиделась, то молоко скисать начало, то сны дурные снятся.

— И Вы думаете, что так будет продолжаться всегда? — прищурился Вилеж. — Прочтите! — Полковник порылся в отложенных бумагах и выложил перед Егоровым бланк депеши:

Полковнику Вилежу Владимиру Петровичу Московской губернии, Н-ск, уездное жандармское управление. Строго секретно. Объект „шаман“, спешно убывший из Москвы во время известных Вам событий, до столицы не добрался. Гласные и негласные попытки поиска успехом не увенчались. Третьему отделению приказываю поднять все сведения о пребывании в зоне вашей ответственности указанного объекта и лиц, с ним связанных. Ожидать дальнейших указаний. Товарищ министра, генерал-майор Бежецкий Санкт-Петербург, управление имперской безопасности.

Егоров спешно пробежал глазами по тексту, удивлённо вскинулся и недоумённо посмотрел на исправника.

— Но это же, Ваше Высокоблагородие, никак не по нашей вине. Мы со своей стороны сделали всё, что полагается, и даже боле: несмотря на потерю начальника третьего отделения, объект был со всем тщанием посажен на экспресс и, отказавшись от настойчиво предлагаемого сопровождения, убыл в столицу.

— К Н-скому управлению никаких претензий-то и нет, — чуть раздражённо проворчал полковник. — Сказано: „поднять дела и ждать указаний“. Были бы к нам вопросы, уже бы и погоны летели.

— Так какие будут указания, Владимир Петрович?

— А указания будут простейшие: заканчивайте играть в траур по начальнику; занимайте кабинет; подберите кого потолковей на должность адъютанта и готовьтесь.

— К чему?

— К проверке, поручик, к проверке из столицы. — Полковник крикнул; вздохнул; ненадолго задумался. — И, кстати, Вы правы, не дело, что у меня на должности начальника отделения поручик будет сидеть. Ходатайство начальнику губернского жандармского управления о производстве Вас в чин штабс-ротмистра, с назначением временно исправляющим должность начальника третьего отделения, считайте уже выправленным. Вы же в поручиках четыре года уже отходили?

— Так точно, господин полковник!

— Замечательно, готовьтесь к аттестации. Не думаю, что на утверждение по инстанциям уйдёт более двух — трёх месяцев. Как только Его Императорское Величество утвердит представление, готовьте третью звезду на погон.

— Рад стараться, Ваше Высокоблагородие! — вскочил Егоров.

— Сядьте, поручик, — вздохнул Вилеж. — Кого взять в адъютанты надумали?

— Если позволите, Ланину?

— Ведьму?

— Бывшую.

— Оригинально. — Полковник вперился в глаза Егорову, явно просчитывая варианты. — Обоснуйте?

— Елена Игоревна осенена даром; обязана поступить в академию для обучения чародейству, с последующей службой в жандармском корпусе; в принципе, имеет представление о нашей службе. И самое главное — других кандидатов ни из Н-ска, ни из уезда у меня, собственно-то, и нет.

— Вы так в ней уверены?

— Насколько можно быть уверенным в другом человеке, господин полковник!

— Никак виды на неё имеете?

— Не в этом дело, Владимир Петрович! — уточнил Егоров. — Неоткуда мне одарённого взять, который так просто согласится жандармскую лямку тянуть... Ну и виды... Виды тоже имею! — потупился он. — Думаю сделать предложение.

Владимир Петрович в задумчивости замолчал, продолжая смотреть в глаза боящемуся шелохнуться поручику.

— Что же, — прервал он повисшую паузу. — Как Вы понимаете, ни офицерский чин, ни звание адъютанта лицу женского пола не положены — это было бы курам на смех, — хмыкнул Вилеж, глядя на мгновенно осунувшегося поручика. — Однако...

— Однако? — сверкнул глазами обнадёженный Егоров.

— ...Однако, я не могу не учитывать специфики службы третьего отделения. Потому считаю возможным принять Ланину в качестве практиканта на должность машинистки-стенографистки при начальнике третьего отделения.

— Благодарю, господин полковник!

— А если потянет, произведём в статский чин, чтоб помощнику начальника отделения рангом соответствовала.

— Спасибо, Ваше Высокоблагородие!

— Ходатайство в губернию отправлю одновременно с Вашим. Свободны, поручик! Занимайте кабинет и зовите в приёмную свою зазную, — улыбнулся в бороду исправник.

Егоров вытянулся во фронт, козырнул и парадным шагом покинул зимний сад.

— Ишь ты, — покачал головой Вилеж, — ведьму в третье отделение.

— Да ладно бы ведьму! — поддакнул начальнику Кошкин. — Бабу, в жандармы: виданное ли дело!

— Н-да-с. Совсем на женском вопросе помешались. Помяните моё слово, коли так дальше пойдёт, мы, пожалуй, и до женщин-офицеров доживёмся.

— Ох, и не говорите, Владимир Петрович! — вздохнул адъютант.

— Ладно, — махнул рукой полковник, — посмотрим, что из этого выйдет. Принесите чаю, что ли?

* * *

— Добрый вечер, Дмитрий Иванович! — раздался из темноты слабый голос сидящей на диванчике посетительницы.

— Нина Вячеславовна? — вздрогнул крепко задумавшийся поручик, который и не заметил, как оказался у себя в приёмной. — Что же Вы не включаете свет?

Егоров повернул небольшой кран и, прищёлкнув пальцами, кинул искрящийся светляк в сторону зашипевшей газовой горелки, спрятанной в люстре.

— А я тут пригрелась, да чуток прикорнула, — прищурилась Рыжкова от вспыхнувшего света.

— Есть какие-то новости? — с надеждой произнёс поручик.

— Увы, — пожал плечами Нина. — У Вас хотела справиться.

— У меня есть, — виновато развёл руками Егоров, вздохнул и замолчал.

— Не томите, Дмитрий Иванович! — пролепетала Рыжкова дрожащим голосом. — Узнали что-то? Плохое?

— Что Вы, нет, нет! Не беспокойтесь так. Никаких новостей о ротмистре: ни плохих, ни хороших.

— Ох! — выдохнула Рыжкова.

— Просто... — Егоров отвёл взгляд и, собравшись с духом, выпалил: — Меня прочат на место Антона Владимировича! Временно исправляющим должность.

— Ну, этого стоило ожидать, — всхлипнула и опустила плечи Нина. — Третье отделение не может оставаться без начальника.

— Это временно! — горячо заверил поручик. — Я сразу же возвращусь на своё место, если Антон Владимирович вернётся... — И, откашлявшись, быстро поправился: — Когда он вернётся...

Нина вздохнула, будто не заметив оговорки.

— Он наверняка возвратится, — громко прошептала она. — Я уверена. Нет! Я наверняка знаю, что Антон точно жив! Вы верите мне?

— Конечно, Нина Вячеславовна! — заверил её Егоров, впрочем так и не осмелившись взглянуть ей в глаза. — Мы все на это надеемся.

И, словно бы устыдившись неуместной горячности, оба умолкли. Егоров думал: «Как же неудобно вышло. Вроде бы и никак третьему отделению без начальника нельзя, а всё ж не

вовремя она пришла. Неожиданно. Да и мне надобно было как-то помягче. Ну чего ж теперь... Хотя... Может, и не поздно ещё отказаться? Неудобно-то как! Боже, как неудобно!»

Нина же просто сидела — осунувшаяся, скукожившаяся — и вспоминала ту ночь, на мгновенье вселившую в неё столько надежд и так жестоко всё поломавшую.

* * *

19 сентября 1901

Н-ск

По жестяному подоконнику, то усиливаясь, то затихая, мягко барабанил приставучий осенний дождь, и слышался недовольный грай чем-то взбудораженного воронья. Антон Владимирович с похудевшим, восково-прозрачным лицом недвижимо лежал на узкой больничной койке, накрытый тонкой простынёй. Солнце давно зашло, и палату освещал лишь трепетный неугасимый светляк лампадки под образом Николы Чудотворца. Нина, сидевшая подле так и не оправившегося от чародейского перенапряжения Рыжкова, очнулась от тягостной полудрёмы. Убедилась, что муж дышит. Провела рукой над его головой и влила ещё каплю энергии в чары, поддерживающие связь с затерявшимся в межмирье сознанием. И, убедившись, что несколько минут у неё есть, торопливо выскользнула в коридор, притворив за собою дверь.

И стоило двери за ней закрыться, как ротмистр впервые за седмицу вдруг заворочался, замычал и скинул с себя мгновенно промокшую простыню.

Углы палаты заволокло клубящимися тенями. Пахнуло серой колдовской стылостью. Светляк чуть пригас, а вдалеке, вроде даже на другом этаже, начали едва слышно отбивать часы.

Воронье за окном всё больше распялось, чёрными тенями пролетая у самых стёкол.

Рыжков судорожно бился и выгибался дугой. Койка отчаянно скрипела всеми своими поржавевшими сочленениями.

С последним ударом далёких часов надорвавшийся кудесник вдруг затих. Расслабился. Его осунувшееся лицо засветилось нереально-детской улыбкой, и он раскрыл глаза.

Нина вошла в палату и застыла на пороге, не в силах оторваться от пронзительного взгляда мужа.

Антон только начал открывать рот, как в окно со всей силы врезалась пронзительно кричащая ворона.

Взгляд несчастного кудесника остекленел. Тени в углах заматались. Нина очнулась от оцепенения и ринулась к мужу, но он вдруг подёрнулся серой рябью, его абрис ослепительно вспыхнул изумрудным светом и... Антон Владимирович пропал.

* * *

12 октября 1901

Н-ск

В приёмной так и висело неловкое молчание. Вдруг с лёгким скрипом отворилась дверь. Впорхнула Ланина.

— Дмитрий Иванович, ты не представляешь!.. — начала она, сперва и не увидев сидящей в тени Рыжковой.

Егоров показательно перевёл взгляд на посетительницу.

— Ой! Здравствуйте, Нина Вячеславовна! Как Вы? Спите? — участливо зашебетала бывшая ведьмочка.

— Очень беспокойно, дорогуша, — вздохнула Рыжкова, — подремлю полчаса, очнусь и вновь ворочаюсь.

— Может, всё же не станете отказываться от моего отвара?

— Целительница, успокаивающаяся ведовскими настойками? Оригинально! — печально улыбнулась Рыжкова и покачала головой.

— Ну раз кудесные методы не помогают...

— Да я их и не использую: чародейский сон, он, конечно, лечит. Одну ночь. Две. Три. Но потом... Зачаруешь себя вечером и провалишься в бездонную яму. А утром, как чары спадут, — вынырываешь из этой ямы ни свежей, ни отдохнувшей. Будто и не спала. Одна пустая трата времени.

— Тем более. Давайте попробуем отвар?

— Я подумаю.

— Вы уж обещались.

— На этот раз точно. — Нина с благодарностью коснулась руки Ланиной. — Спасибо, дорогуша!

Они посмотрели друг другу в глаза, с тем искренним участием, какое могут позволить себе лишь женщины, которым некого делить.

— Елена Игоревна, Вы очень кстати пришли, — вдруг словно очнулся Егоров. — У меня для Вас предложение...

— Интригующе, — кокетливо сверкнула глазами молодая женщина.

— Я не о том, — покраснел и стушевался жандарм.

— Ну вот, а я-то уж собралась объяснить дорогу к дому тётушки...

— К чему тётушка?

— Экий Вы, Дмитрий Иванович, непонятливый, — озорно прыснула бывшая ведьма.

Нина Вячеславовна всё время беседы двух молодых людей не спешила отнимать руки от Елены и исподволь смотрела то на её светящееся мягким румянцем лицо; то на смешливый взгляд, нет-нет да и мечтательно обращавшийся куда-то в себя; то на лучезарную улыбку, казалось бы в каждое мгновение готовую прерваться коротким вздохом.

В ответ на немой вопрос, угадывающийся во всём выражении лица Нины, Елена лишь легонько кивнула и опустила глаза.

Нина метнула мимолётный взгляд на Егорова.

Ланина лишь подёрнула плечами и, чуть прижмурившись, легко помотала головой.

Понимание мелькнуло в глазах Рыжковой, тут же сменилось ужасом, а потом горьким сопереживанием. Целительница стиснула руку недоучившейся ведьмы.

— Пожалуй, мне пора. Не буду отвлекать, Дмитрий Иванович! — чуть громче, чем следовало, произнесла Рыжкова. — А Вас, моя милая, я бы попросила всё ж таки принести мне отвару. Придёте сегодня к ужину?

— Конечно, Нина Вячеславовна, — чуть покраснела Елена и со значением добавила: — Буду рада!

— Что же. Будем ждать, — откланялась целительница и покинула приёмную.

— Какая-то она странная под конец стала, не находишь? — спросил Егоров, наедине общавшийся с Еленой на «ты».

— Да нет, ничего такого.

— И на отвар согласилась... А для целительницы это, знаешь, едва ли не как признать свою несостоятельность.

— Это всё оттого, что вы, чародеи, ставите себя выше ведьм, — усмехнулась Ланина.

— Мы, чародеи, — поправил Егоров, — по праву считаем себя не «выше», а «лучше»!

— Давай не будем вновь возвращаться к этому спору, — мягко прервала друга Елена, коснувшись его кончиками пальцев. — Ты хотел сделать мне какое-то предложение?

— Ах, да! Его Высокоблагородие подал прошение о моём производстве в следующий чин... — выпалил Егоров.

— Поздравляю!

— А также о назначении временно исправляющим должность начальника третьего отделения!

— Но... — распахнула глаза Ланина.

— Временно, Елена Игоревна. Временно, до момента, как ротмистр вернётся. Или пока остаётся надежда на его возвращение.

— Но в чём же состоит предложение?

— Владимир Петрович предоставил мне возможность выбора личного помощника, — перешёл на официальный тон поручик, — и я попросил рассмотреть Вашу кандидатуру, Елена Игоревна.

— Мою?

— Вы удивлены? Ты...

— А как же академия? Антон Владимирович же поставил жёсткое условие! Или академия, или... А как же?.. Адъютант — это же офицерская должность. Женщин в офицеры — это же неприлично, — зачастила Ланина. — Никак не возможно!

— Вилеж предложил, на первое время, провести тебя по бумагам как практиканта в должности стенографистки, а по окончании практики сразу сделать помощником начальника отделения с производством во внеочередной статский чин, — расстроено проговорил поручик. — Я думал, ты обрадуешься.

— О! Я рада! Я очень рада, что не придётся расставаться! Просто... С тех пор как погибла наставница, мои планы всё время кардинально меняются: то меня прочат в целительницы; то в чародейки; то нужно ехать учиться; то срочно выходить на службу... Я не успеваю свыкнуться с одной будущностью, а она уже меняется на кардинально иную... Да и какой из женщины офицер? Что люди скажут-то?

— Статский чин — не офицерский, — поправил её Егоров. — Будешь губернским, а то и корабельным секретарём[1]¹. Это же намного лучше, чем, окончив через пару лет Академию, стать обычным коллежским регистратором. Эдак ты лет пять для карьеры выгадаешь. А люди... Люди скажут, что жандармерия привлекла к службе очень симпатичную кудесницу! — отрезал Егоров.

— Я тут буду сидеть? В приёмной? — Ланина прикинула про себя перспективы, и её глаза тут же засияли детским восторгом. — Это будет моё место? — Елена закружилась в озорном танце, да так, что поручик не мог оторвать глаз от тонкого стана развеселившейся женщины.

— Да, пока Их Благородие не вернётся, а там, глядишь, будем делить приёмную на двоих.

— Эка Вы, Дмитрий Иванович, смотрю, размечтались уже, — звонко рассмеялась Елена, но тут же посерьёзнела: — Пойдём, посмотрим твоё новое место.

* * *

Егоров достал ключ от кабинета начальника третьего отделения, открыл дверь, со вздохом остановился на пороге тёмного помещения и щелчком пальцев запалил газовый рожок. Тьма, освоившаяся в кабинете, нехотя отступила в углы, покинув стол, аккуратную стопку дел и домовика, который спросонок не понял, в какую сторону скрыться, и сперва замер, а потом начал суетливо паниковать.

¹ Губернский секретарь, корабельный секретарь — гражданские чины 11 и 12 класса соответственно.

— Сгинь! — проворчал Егоров и не целясь бросил в него чародейскую стрелу, пролетевшую в пяди от мохнатой нечисти.

Чуть было не развоплощённый домовик пришёл в себя и, пропищав на своём языке невнятные ругательства, с пыльным хлопком растворился в собственной тени.

— Пылищи-то, пыли! — чихнула Ланина, протиснувшаяся из-за спины поручика. — И когда только успела налететь? Тут надо всё хорошенько вымыть и вычистить!

Поручик только махнул рукой и прошёл к начальственному креслу.

— Н-да... Не так представлял я себе тот день, когда займу это место, — вновь вздохнул он, отряхивая сиденье.

— Ты, Дмитрий Иванович, что-то больно кислый, — укорила его Елена. — Тебе и чин, и звание сами в руки прилетели раньше времени. А ты всё печалишься да вздыхаешь.

— В том и дело, что „раньше времени“. — Егоров облокотился на стол и упёр голову о кулаки. — Чувствую, будто не в кресле сижу и место занимаю, а предаю учителя, что ли?

— Уж не думаешь ли отказаться?

— А может, и думаю, — бросил быстрый взгляд исподлобья поручик.

— Ну вот, а я уж успела привыкнуть, что работаю в приёмной... — отвела взгляд в сторону неудавшаяся ведьма и разочарованно повела плечами.

— Я ещё не отказался. — Лицо Егорова, залюбовавшегося Ланиной, разгладилось, а взгляд заблестел. — Погоди... — вдруг ощутил какую-то неправильность поручик. — Ты мной манипулируешь?

— Ой! Я не хотела! — отшатнулась Ланина, прекратив ментальное воздействие.

— Вы, Елена Игоревна, эти ведьмовские дела бросьте!

— Да я же машинально!

— А!.. — в сердцах махнул рукой Егоров и, отвернувшись от неё, сгорбился в начальственном кресле.

Ведьма постояла, не сводя умоляющего взгляда со свежеиспечённого начальника, и, убедившись, что тот не собирается смотреть на неё, тихо подошла к нему сзади и обняла.

— Прости! — прошептала она.

— Да чего уж там.

— Я понимаю тебя, — продолжила Ланина. — Но я буду рада, если...

— Завтра я приму решение, обещаю.

— Я тебя поддержу. В любом случае.

Егоров повернулся к ней.

— И постарайся больше не копать ни у кого в голове!

Елена лишь пожала плечами и тут же звонко засмеялась:

— Вы, Ваше Благородие, просто не понимаете, какое у Вашего будущего секретаря имеется прекрасное уменье. Заходит, например, в приёмную нежелательный посетитель, хочет учинить, к примеру, скандал. Но бросает взгляд на секретаря и вуаля — забывает, на что злился, и в прекраснейшем расположении духа убирается восвояси.

— Интересными же методами у нас третье отделение собирается работать, — раздался ото входа голос Пбнизова, неслышно подкравшегося к самой двери. — Я-то уж собрался домой, да гляжу, свет в окне горит.

— Доброго вечера, Глеб Романович!

— И Вам, Дмитрий Иванович, — откашлялся подполковник. — Говорят, Вас временно замещающим должность назначают?

— Да вот, Ваше Благородие! — развёл руками Егоров.

— А я гляжу, Вы и не особо-то рады? — Начальник второго отделения с любопытством наклонил голову и вдруг неожиданно подмигнул Ланиной, в тот момент, как виновато потупившийся Егоров отвёл взгляд. — Это Вы, милостивый государь, уж бросьте! Ротмистр, буде

ему узнать, что Вы перед такой дилеммой оказались, сам Вас за шкуру-то взял, да в это кресло бы и посадил!

— Отчего же вдруг сам?

— А оттого, что Антон Владимирович в первую руку был чиновником ответственным. За своё дело всей душой болел. Можно сказать, себя ради службы сжёг.

— Что ж Вы, Глеб Романович, о нём в прошедшем времени? — с укоризной перебил полковника Егоров. — Тела мы не видели. Обстоятельства, при которых Его Благородие исчез, тоже и так и эдак трактовать можно: мог развоплотиться, а мог и в иной мир отправиться.

— Ну не буду спорить, — поспешно согласился подполковник. — Не нам, простецам, в ваши кудесные дела лезть. Но зато, как бывалый служака, точно могу сказать: любое дело без начальника захиреет. Только пусти на самотёк и без хозяйского присмотра оставь, сразу всё — пиши пропало. Откажешься сейчас, из-за своего какого-то превратного чистоплюйства, глядишь, и расстроится служба. А ну как вернётся Антон Владимирович? Куда? На пепелище? Он же годами работу третьего отделения выстраивал, чтобы как часы. Чтоб каждая ведьма по струнке ходила, а нечисть носу из теней высунуть боялась.

— Да я, Ваше Высокоблагородие, и не отказываюсь, — ответил опешивший от такого напора Егоров. — Думать буду. Очень хорошо думать. В первую очередь: осилю ли?

— А это уже другой разговор. Но ты-то, поручик, чай, не мальчик и не вчера из этой вашей академии выпустился. Да и дурака или неумёху Рыжков при себе держать не стал бы. Взвесь хорошенько, Дмитрий Иванович! — ободряюще улыбнулся Понизов и направился к выходу.

— Конечно, господин подполковник, так точно, буду думать!

— Доброй ночи, Глеб Романович, — звонко добавила вслед Елена.

— Ишь придумали, бабу вместо адъютанта, — донеслось удаляющееся тихое ворчание, — да ещё и ведьму. Видать, и правда последние времена наступают...

— Ни тебе «здравствуйте», ни «до свидания», — приснула в кулачок Ланина.

— Небось всё время тряся, что ты его сглазишь, — рассмеялся поручик.

— А когда подмигивал, не боялся?

— Ух ты ж! Старик, а всё туда же, — пожал плечами Егоров и вспомнил: — Ты ведь что-то хотела рассказать, когда вошла?

— Честно говоря, после твоего предложения мои новости уже и не имеют значения.

— Но всё же?

— Отец Вениамин считает, что я уже вполне готова к поступлению в академию. Говорит-де, с неба звёзд хватать, может, и не буду, но для государственной службы пойдёт.

— Хорошего же мнения он о жандармерии. — Егоров встал и направился к выходу из кабинета.

— Ну так, любимого его ученика с толку сбили. Как тут не «припомнить»? — Елена осталась стоять на месте. — Как бы тут прибраться? Кто в управлении слугами командует?

— Да на что они, — махнул рукой поручик и пропел несвязный чирикающий речитатив, сопроводив его парой пассов.

Залежалая пыль вспыхнула тусклым изумрудным светом, собралась в бешеный вихрь и, покружившись, с шипящим свистом втянулась в вентиляционный продух, перепачкав его изыщную чугунную решётку.

— Ого!

— Бытовые чары — дело наипервейшее для живущего бобылём кудесника! — важно заявил поручик.

— Красуешься? — догадалась ведьмочка.

— Немного, — одними лишь уголками рта ухмыльнулся Егоров. — Была вероятность осечки, но всё же получилось.

— Боюсь даже представить, как выглядела бы эта «осечка», — заявила Ланина, приняв позу а-ля ферт[2]¹.

— Ну да... В баню пришлось бы идти. Но победителей не судят. Пойдём, поздно уже. — Поручик дождался, пока Елена выйдет, затушил газ да запер тяжёлую дверь кабинета.

¹ Так называлась буква «Ф» в дореформенной орфографии.

СОМНЕНИЯ

* * *

13 октября 1901

Н-ск

Следующим утром невыспавшийся Дмитрий Иванович явился на службу совсем ещё по темноте и привычно расположился на своём месте в приёмной. Всю ночь он так и эдак переживал это назначение и никак не мог пересилить на первый взгляд нелогичную внутреннюю щепетильность.

«Как же я в глаза буду смотреть Рыжкову, если и когда он вернётся? — думал поручик, пытаясь устроиться на постылой подушке, которая с каждым бессонным часом казалась ему всё жарче и неудобнее. — Вроде и Глеб Романович объяснил, что тот был бы только рад этому... А совесть шепчет и шепчет: „Подсидиваешь любимого начальника, ой подсидиваешь!“».

Егоров всё пытался выкинуть из головы мысли, но они возвращались. Уже под утро он всё-таки почти решился идти к Его Высокоблагородию, с тем чтобы, пока прошение ещё не ушло наверх, отказаться и от чина, и от должности. Удерживало лишь нежелание погасить радость Елены, так по-детски воодушевившейся неожиданной возможностью начать работать с ним, минуя академию и связанную с учёбой многолетнюю разлуку. И вот, когда поручик совсем уже собрался с духом, встал и сделал шаг к двери, в приёмную вошёл отец Игорь.

— С добрым утром, господин поручик! — смиренно и тихо произнёс свежеиспечённый владелец поместья Лютичево.

— Здравствуйте, святой отец! — чуть встревожился Егоров. — Чему обязан столь ранней встречей? Не случилось ли чего?

— Нет, что вы, Ваше Благородие, — будто бы засмутился священник. — Кистенёвы оставили мне упорядоченное наследство и полностью устроенные дела, так что грех было бы жаловаться. Я к Вам скорее с весточкой. От пропавшего начальника.

— Как? — подался вперёд Егоров. — Боже! Он точно жив?! О, я знал, что он жив!

— Скорее всего, — чуть потерялся от напора отец Игорь. — Весьма вероятно. Я хочу сказать...

— Как Вы с ним связались? — частил Дмитрий Иванович, которого, казалось, так и распирало нетерпение. — Что он передал?

— Увы, ничего... — произнёс священник, но, увидев, как погас взгляд Егорова, тут же поправился: — Я наверняка знаю, что именно случилось с ротмистром, знаю, где он, и знаю, когда он. Это сложно передать в двух словах, так что давайте я расскажу всё по порядку.

* * *

10—11 октября 1901

Лютичево

Что и говорить, наследство отцу Игорю досталось большое, довольно хлопотное, но крепко поставленное и даже приносящее какой-никакой доход. Кистенёвы жили уединённо, родственников не приваживали, соседей хоть и не чурались, но принимали холодно, с видимой неохотой, оттого слыли в округе скучными бирюками.

Эмансипация[3]¹шестьдесят первого года больно ударила по прибылям с поместья, однако же не привела ни к разорению, ни даже к какому-то заметному ухудшению положения семейства. Тому, быть может, послужила означенная фамильная прижимистость. А может, уважение работников, ведь пять с лишним сотен душ крестьян честно получили свою долю пашни и были благодарны бывшим барьям, в отличие от многих при разверстании угодий[4]²не нарезавшим общине распадков и болотец. Или, скорее всего, то, что семейство, в отличие от большинства людей своего сословия, было занято настоящим делом, а не прожигало накопленное поколениями за ломберным столом, в пустых странствиях по Европе или в бесконечном блеске приёмов и балов высшего света, к которому оно, имея княжеский титул, с полным правом себя относило.

Так или иначе, дела были налажены, кистенёвские деньги не переводились, а если и возникали какие с ними затруднения, решались они через сведение и продажу бора строевого леса.

Прохор Семёнович Кутейников, бывший лютичевским приказчиком кто знает в каком поколении, сперва настороженно, если не сказать холодно, отнёсся к новому владельцу поместья, опасаясь, что клирик не станет жить в усадьбе и из экономии даст людям отставку. Однако после того как отец Игорь не стал распускать дворовых, а, напротив, поселился в господском доме вместе с попадью и своим обширнейшим семейством, проникся к тому симпатией, про себя решив, что не станет тащить больше, чем он воровал при Кистенёвых.

В один октябрьский вечер, на вторую седмицу после Покрова, отец Игорь, закрывшись в мезонине, перебирал бумаги, касавшиеся мелочной, тянувшейся уже пару десятилетий тяжбы с одним помещиком, земли которого граничили с Лютичевым. Сосед воодушевился перспективой урвать от выморочного поместья никому не нужный спорный овражек и с удвоенной силой атаковал инстанции. Действовал через знакомцев, родственников, карточных партнёров и даже случайных попутчиков. Отчаянно интриговал, где нужно — кланялся, где можно — подмазывал. И вот, когда добыча, казалось, была уже в руках, получил обидный щелчок по носу. В течение всего нескольких дней сперва объявился один наследник, а потом всё перевернулось и кистенёвское поместье внезапно стало церковным, превратив бывшие радужными перспективы в досадный пшик, — как известно, клир никогда не расставался с попавшей к нему собственностью.

— Вижу, вы основательно погрузились в дела вашего нового имущества, — одобрительно прошелестел тусклый голос.

— А? — вздрогнул прикорнувший было над бумагами священник. — Кто здесь?

— Думаю, нам пришло время познакомиться. — В тёмном углу неясным изумрудным светом замерцал прозрачный силуэт.

Отец Игорь зажмурился, помотал головой. Увидел, что силуэт не исчезает. Перекрестился. Прочёл короткую молитву, в результате чего сам окутался едва видной в полутьме, дрожащей аурой чистого белого света, и с интересом воззрелся на так и не материализовавшегося собеседника.

— Гляжу, отче, ты даже не станешь удивляться-де «призраков не существует»? — уважительно, но с долей насмешки промолвило нечто.

— Божий мир бесконечен и непознаваем, — пожал плечами священник, — отчего же не быть в нём призраку?

— Чем дальше, тем всё больше и больше убеждаюсь, что мой последний потомок очень неглупо поступил, отписав всё имущество церкви, — одобрительно протянул призрак.

¹ Эмансипация крестьян (отмена крепостного права) в России произошла в 1861 году по инициативе императора Александра II. Реформа юридически упразднила личную зависимость крестьян от помещиков, предоставила им гражданские права и личные свободы.

² Разверстание угодий при отмене крепостного права — это процесс разграничения крестьянских земель от помещичьих владений. Его проводили в рамках крестьянской реформы 1861 года.

— Князь Кистенёв, я полагаю?

— Первый владделец этого поместья и окрестных земель, — кивнул дух.

— Интересно... Очень интересно. — Отец Игорь поднялся и, подойдя ближе, стал изучать собеседника поверх очков. — Я так понимаю, церковная аура никакого вреда Вам не наносит?

— Да с чего бы? Я же не бес, не нежить и не порождение той стороны.

— Любопытно. Ох как любопытно. — Пару раз помотав рукой сквозь призрака и совершенно успокоившись, священник с лёгким вздохом погасил защищавшее его сияние. — Я так понимаю, ваше существование поддерживают эманации стелламина?

— Совершенно верно. После долгих изысканий я нашёл возможность отделить свою душу от одряхлевшего тела и продолжить земной путь хотя бы вот в таком виде.

— Наверное, это очень мучительно, — с сочувствием посмотрел на призрака отец Игорь.

— Первое столетие было нелегко, потом свыкся... — печально ответил князь.

Отец Игорь вернулся в кресло. Немного повозившись, принял удобную позу и застыл, вперившись в призрака. Дух не спешил продолжать разговор и просто висел в углу, едва-едва светясь.

— Я не нашёл ни следа проклятого металла, но чувствую, что он где-то здесь, — наконец прервал молчание священник.

— Он в поместье, — уверил собеседника князь. — Просто не сейчас и не совсем тут. Стелламин не покидал и, надеюсь, никогда не покинет Лютичева.

— И у Вас не возникало желания его использовать? — приподнял бровь священник. — Насколько мне известно, стелламина тут столько, что можно было бы очень многое себе позволить...

— Боже упаси! — отмахнулся призрака Кистенёва.

— Очень, очень многое: вновь воплотить себя; существовать в настоящем теле; получить бесконечную молодость, — продолжил рассуждать отец Игорь.

— Думаете, я не знал этого в ту эпоху, когда отделял свою душу от умирающего тела? — с долей насмешки осведомился дух.

— Тогда отчего не воспользовались?

— Странно слышать этот вопрос от представителя клира.

— Просто хочу лучше понять Ваш образ мысли, — сделал примирительный жест священник.

— Ну что же. — Призрака покинул тёмный угол и устроился напротив отца Игоря. — Мне не нужно объяснять, что строжайший запрет использования проклятого металла — это вовсе не бессмысленная догма и не прихоть, которой страдает наша церковь много веков?

— Конечно! Все знают, во что превращаются тела магов и колдунов европейской традиции.

— Это Вы ещё не видели, чем становятся их бессмертные души.

— Могу себе представить.

— Поверьте мне: не можете! — зловеще осклабился князь, прянув к лицу священника. — И молитесь, чтобы Вам никогда не пришлось встретиться с этими порченными обломками.

— Тогда отчего бы просто не истребить залежи? — прищурился священник, и в его глазах мелькнуло что-то хищное.

— Всё-таки Вы не представляете их объёмов, — покачал прозрачной головой Кистенёв. — Я не могу предсказать, что повлечёт за собой одновременное уничтожение такой массы стелламина. Если повезёт, мы получим дыру в потусторонний мир, размером с пол-империи.

— А если жечь частями? Разбить на безопасные партии?

— В таком случае на это уйдут столетия, — вздохнул призрак. — И то если папи-сты ничего не разношают. Сами понимаете, при горении стелламина высвобождаются вполне характерные эманации.

— Но Вы же говорили, что проклятый металл не здесь и не совсем сейчас? — прищурился священник.

— Так и есть. Вы же знакомы с устройством нашей вселенной?

— Смею быть уверенным, что да, — утвердительно кивнул отец Игорь.

— Тогда для Вас не будет открытием, что миров существует великое множество. Некоторые из них весьма близки нашему и отличаются лишь мелкими деталями. Иные так далеки, что, окажись Вы в них, тут же испаритесь от нестерпимого жара или развеетесь морозной пылью на лютном холоде.

— Пусть и иносказательно, но примерно об этом и говорят священные тексты.

— Так вот, все запасы стелламина я переместил в мир, где он совершенно бесполезен. Там не действуют наши «потусторонние силы» и никто из местных не сможет его использовать, даже если каким-то способом обнаружит тайник.

— И как Вам это удалось? Вы ведь утверждаете, что проклятого металла очень много.

— Я создал стабильный ход между мирами и поручил моим потомкам, наследникам Лютичева, втайне разрабатывать рудник, вход в который скрыт в подвале усадьбы. Поколения крестьян, приписанных к сельцу, копали руду и отправляли её в тот мир.

— Как представитель церкви, я знаю о деле поколений Кистенёвых, — закивал священник. — В общих чертах, без подробностей. Только то, что хозяева поместья оберегают запас стелламина. Но я представить не мог, что это предприятие поставлено на такую широкую ногу. Как же Вам удалось столетиями скрывать это?

— Как Вы знаете, святой отец, — в тоне князя можно было различить едва уловимую насмешку, — стелламинная руда по виду неотличима от обычной голубой глины, пласты которой легко обнаружить окрест, копнув землю на пару пядей¹ в глубину. Распознать же в простой глине руду проклятого металла сможет не каждый опытный одарённый.

— Получается, крестьяне думали, что разрабатывают глину? Ловко! Но они же не так глупы, чтобы не понять — дальше с объектом их трудов ничего не происходит? Неужто за столько времени не поползло слухов?

— Для них это был вполне привычный, обыденный труд: кто-то работает в поле, кто-то пережигает древесный уголь, а кто-то копает глину, формует в брикеты и оставляет на подземном складе. О чём тут болтать, когда всё на виду.

— Неужели деревенские до сих пор этим заняты? — удивился отец Игорь.

— Слава богу, нет! Запасы руды иссякли в середине ушедшего века, как раз к началу Крымской войны^[6]¹. С тех пор мои потомки лишь охраняют запечатанный ход в иной мир.

— Судя по тому, что даже я чувствую стелламинные эманации, не так уж хорошо он запечатан, — вставил ехидную ремарку священник.

— Увы! Эдакая масса, она — безбожно фонит. Я не нашёл способа, как воспрепятствовать этому явлению. — На лице первого Кистенёва промелькнула тень глубокой досады. — К счастью, ощутить проклятый металл может не всякий одарённый и только находясь в доме. Максимум в нескольких шагах от него.

— Вот в чём причина нелюдимости хозяев Лютичева! — догадался отец Игорь. — Так почему же Вы окончательно не обрушили проход между мирами?

¹ Пядь — около 18 сантиметров.

¹ Крымская война 1853–1856 (Восточная война) — война между Российской империей и коалицией стран (Великобритания, Франция, Османская империя и Сардинское королевство), вызванная столкновением их интересов в бассейне Чёрного моря, на Кавказе и Балканах. Ограниченные военные действия велись также на Балтике, Белом море и Тихом океане.

— К сожалению, это невозможно, — пожал плечами призрак. — Я не могу уничтожить его, не вернув сюда всё, что попало из нашего мира в тот. Это базовый закон мироздания. А возратить весь стелламин — это всё равно, что поставить под удар Империю: фактически нарисовав на себе мишень с надписью: «Добро пожаловать, господа колдуны и маги, кушать подано!»

Отец Игорь покачал головой. Вдохнул. В мезонине повисла густая, напряжённая тишина, изредка прерываемая тихими потрескиваниями тусклого чародейского светляка. Священник не спешил ни о чём спрашивать Кистенёва, тот же, казалось, прикорнул, неспешно покачиваясь в воздухе.

— Так чего я Вам явился-то, — наконец очнулся призрак. — Один наш общий знакомый моими стараниями отправился в тот мир, да затерялся где-то. Между мирами его точно нет, а в тамошнее Лютичево он не явился. — Отцу Игорю показалось, что полупрозрачное лицо князя стало чуть виноватым.

— Мы об Антоне Владимировиче? — оживился священник.

— О нём самом, — подтвердил призрак.

— Но для чего Вы отправили его туда? Почему не вернули в нашу реальность?

* * *

Никогда

Нигде

Дым нёсся и нёсся во тьму, будто бы и не зная усталости.

Но каждый раз, когда Антон Владимирович оглядывался, ему казалось, что призрак безумного клоуна летит хоть на пядь, да ближе.

Бледная маска беззвучно хохотала.

Чёрный провал слезы притягивал взгляд. Хотелось выпустить из рук длинную зеленоватую шерсть, прыгнуть со спины и слиться с манящим водоворотом, мерещащимся в глубине провала.

Рыжков затряс головой, попытался отвернуться и не глядеть на слезу.

Ничего не вышло, шея отказывалась отворачивать голову от притягательного водоворота.

Тогда ротмистр расфокусировал зрение.

Наваждение чуть отпустило, и Антон Владимирович понял, что прекрасное лицо, которое должно было быть под маской, ему знакомо.

Финцонин!

Нежить ощутила, что жандарм узнал её. Взыла на сто голосов. Невидимые зубы мерзостно заскрежетали, словно вилка, скользнувшая по фарфору. Многократный алчный стон заполнил собой всё.

Рыжков с ужасом увидел, что до савана клоунского костюма осталось едва ли больше трёх аршин, и тут...

Где-то вдали запылал яркий солнечный свет.

Финцонин скукожился, остановился, попытался закрыться парусами рукавов от снопа золотого света, отрывающего от него ключья серого тумана.

Дым резко ускорился, прыгая в сторону ослепительно пылающего фонаря.

Антон Владимирович в последний раз обернулся и увидел лишь тонкий силуэт маски, растаявший в золотых лучах.

С каждым рывком призрачного охотника яркая искра золотого света всё приближалась, увеличивалась, пока наконец не обрела образ пылающего фонаря, над которым склонились два смутных силуэта, держащих в руках трепетные огоньки свечей.

«Егоров! Ланина!» — понял ротмистр.

— Дым! Гони!

Прыжок. Ещё один.

Уже видно лицо отца Игоря, держащего фонарь в открытых ладонях.

Прыжок.

Из неизбывной тьмы проступает убранство храма святой Варвары. Пространство вокруг кудесника обретает плотность. Слышится звук полёта. Чернота расплёскивается цветами. Ощущается вкус крови на губах.

Ещё шаг — и...

Всё останавливается.

Золотой свет гаснет.

Руки священника, фонарь, два силуэта превращаются в гротескную плоскую картинку, словно бы нарисованную неопрятными мазками начинающего бесталанного художника. Картина покрывается сетью кракелюров^[7]¹ и разваливается, осыпаясь тускнеющим серым пеплом.

Тщетно пытается Дым сделать следующий прыжок. Длинные лапы лишь загребают великое Ничто. Тяжёлое дыхание переходит в жалкий скулёж и стихает. Призрачный охотник теряет плотность. В последний раз оглядывается на своего чародея. И истаивает.

Антон Владимирович, не ведая ни верха, ни низа, вновь парит в мутноватой мгле бесплотным духом. И куда бы ни обратил он взор, всюду видна лишь безвременная тьма, изредка перемежающаяся клоками молочного тумана.

— Прошу прощения, кудесник, — прозвучал над ухом ротмистра знакомый шелестящий голос. — Тебе рано возвращаться в твой мир.

— Князь? Матвей Михайлович? — Антон Владимирович попытался повернуть голову в направлении звука, но в результате лишь неуклюже перевернулся, оказавшись подвешенным верх ногами у лица призрака первого Кистенёва.

Призрак, легко усмехнувшись, сделал хитрый взмах высохшей рукой, и ротмистр обнаружил себя сидящим в высоком кресле у потрескивающего камина.

— Наверное, так будет проще общаться, — заметил Кистенёв из такого же кресла, стоящего вполоборота к кудеснику.

Антон Владимирович почувствовал под боком какую-то возню и, попнувшись, с удивлением обнаружил свернувшегося клубком домовика.

— Привет! — пропищала пыльная нечисть и начала по-кошачьи впявливать коготки в обивку кресла. — Тут хорошо. Тепло.

— Начни мурчать, и станешь похож на кота, — усмехнулся кудесник, не выказывая растерянности.

— Пф! — саркастично чихнул домовик и продолжил мягко терзать ткань.

Из-под ног раздался тихий скулёж. Уже уставший удивляться Антон Владимирович опустил взгляд на вытертый персидский ковёр и обнаружил призрачную борзую, накрывшую хвостом нос и косящую на хозяина виноватые глаза.

— Ну, ну. — Ротмистр опустил руку и потрепал чародейского спутника по шелковистой холке. — Не расстраивайся, дружок, ничего страшного пока не произошло.

Дым глубоко вздохнул, постучал хвостом по ковру и закрыл глаза, то ли притворяясь спящим, а то и вовсе моментально заснув.

— Так что Вы, князь, говорили о возвращении в мой мир? — перевёл взгляд на призрака Рыжков. — Я правильно понимаю, что нахождением тут я обязан чародейскому истощению?

¹ Кракелюр — трещины, которые появляются на лаке или красочном слое. Как правило, они возникают на картинах или керамических изделиях от старости.

— Всё верно, ротмистр. Ты находился в полушаге от того, чтобы тело утеряло связь с заблудившейся между мирами душой, — прошелестел Кистенёв. — К счастью, вы с призрачным охотником нащупали правильный путь, а твои друзья зажгли маяк, направивший в нужную сторону и защитивший от нежити. Ещё несколько мгновений — и, думаю, ты очнулся бы.

— Но? — поднял бровь Антон Владимирович. — Судя по тому, что я ещё не в моём мире, есть какое-то «но»?

— Есть у меня для тебя, ротмистр, небольшое предложение.

— От которого я не смогу отказаться?

— Ну отчего же, можешь, — усмехнулся дух, глядя в глаза жандарму. — Но при этом ты потеряешь время, — мрачно продолжил он.

— А что у нас со временем? — насторожился Рыжков. — Красновского пожрал его питомец, тайна поместья Лютичево в безопасности.

— Непокойно мне, ротмистр. Наш неудачливый нотариус — это как маленький камушек, брошенный в стоячую воду: сам уже утонул, а круги расходятся до самых дальних берегов. Кто знает, что выплывет из потревоженной мути? — Князь задумчиво покачал головой, тоскливо посмотрел куда-то в сторону и горько усмехнулся: — К тому же, кудесник, зря ты думаешь, что призванный некроконструкт вот так просто может взять и поглотить своего хозяина. Погляди туда. — Призрак Кистенёва выпростал бестелесную руку, указывая чуть выше уха жандарма.

Антон Владимирович повернул голову в ту сторону. Пригляделся. Пожал плечами и перевёл взгляд обратно на князя.

— Не видишь? — Призрак два раза щёлкнул пальцами. — А так?

— Что это? — Вновь посмотревший вверх Рыжков увидел две крошечные, тускло светящиеся серые пылинки, остервенело кружившие друг вокруг друга, периодически сближавшиеся, вспыхивавшие и вновь отпрыгивавшие.

— А это твой некромант и его последнее произведение. — Призрак шелестяще всохотнул коротким и очень злорадным смешком. — Точнее, то, что от них осталось после того, как сноп света из твоего мира очень не вовремя вспыхнул на их пути.

— Красновский с Финцониным? — Удивлению Антона Владимировича не было предела. — Я думал, что избавился от обоих!

Дым поднял голову и, ощерившись, глухо заворчал на мельтешащие серые искры.

— Мертвяки! Фу! Пакость! — отвлёкся от обивки домовик и, картинно плюнув, вновь взялся за своё.

— Но-но! — с напускной строгостью пригрозил тому призрак.

— Миль пардон, мон шэр![8]¹ — куртуазно мурлыкнула нечисть, не отрывая коготков от ткани, на которой уже были видны продиры.

— Ого! — удивился ротмистр. — А вроде простейшими фразами говорил?

Домовик в ответ лишь фыркнул.

— Так в чём же будет состоять Ваша «маленькая просьба»? — вернулся к разговору жандарм.

— Ты нужен мне в том мире, где хранится запас стелламина! — без обиняков начал Кистенёв. — Моя тайна раскрыта, и теперь это место не кажется мне таким уж надёжным. Нам надо обезопасить тайник.

— Но что я могу в мире, где силы кудесника не действуют? Я там обычный простец.

— Уж с этим-то мы как-нибудь разберёмся, — отмахнулся призрак. — В первую очередь мне нужен некто... телесный.

¹ Тысяча извинений, мой дорогой (фр.-нижегородский).

— А почему бы не воспользоваться помощью крестьян, что выплавляли руду на той стороне?

— Увы, но время там течёт иначе. После окончания моих стараний я распустил людей, посвящённых в мои дела. Щедро наградил, взял клятву молчания и велел убираться на все четыре стороны. Тому прошло уже больше столетия. Верные мне семьи давно покинули Лютичево.

— Но я видел много каменных домов...

— В этом нет ничего удивительного. Обычные люди успели за прошедший век вновь заселить брошенную деревню.

— На какую конкретно помощь Вы рассчитываете? Надеюсь, мне не придётся на руках выносить стелламиновые бруски из выработки?

— Ну что Вы, ротмистр. Там тысячи пудов. Вам пришлось бы положить на это жизнь. Или даже пару жизней. Я не могу просить Вас о такой жертве, — легко хихикнул Кистенёв.

— В таком случае я совсем не понимаю.

— Я хочу запечатать проход между нашими мирами. Это можно сделать только с той стороны. И для этого мне нужен живой человек, который в первую очередь не побоится всех опасностей межмирья. — Призрак обвёл рукой пустоту, в которой был подвешен крошечный огрызок реальности, вмещавший в себя камин, ковёр да два кресла.

— Допустим. Но к чему спешка? Красновский — вот он. — Ротмистр указал на так и бесившиеся над его головой серые искорки. — В нашу тайну больше никто не посвящён.

— Ты в этом так уверен? — насмешливо прошептал призрак. — Подумай, кто дал твоему противнику проклятый металл для колдовства? Кто облачил его в клоунское платье? Кто загримировал? Как думаешь, какова вероятность того, что некроманту пришлось открыться своему помощнику?

— У меня не было времени подумать об этом, — согласился Рыжков после нескольких секунд размышлений.

— Давай, ротмистр, решайся! Как только сделаем это последнее дело — проклятый металл будет вне досягаемости наших врагов и ты сможешь вздохнуть спокойно. — Кистенёв с надеждой воззрился на жандарма.

— Всё же... — после некоторой толики раздумий возразил Антон Владимирович. — И всё же, я хотел бы сперва попасть домой. Успокоить супругу, явиться пред начальством. Времени прошло всего ничего. Не думаю, что случайный помощник Льва Михайловича успеет что-то предпринять, даже если тот поведал ему о своём открытии.

— Жаль, что я не смог убедить тебя в серьёзности положения, — сник князь. — Но что же... Я не стану тебя задерживать. Возвращайся в свой мир. Спешно заверши дела и торопись вернуться в Лютичево. Я буду ждать тебя в поместье.

Призрак щёлкнул высохшими пальцами, и скудная обстановка истаяла, будто её и не бывало. Дым с ленцою поднялся, потянулся, будто готовясь к бегу после долгого отдыха, и, отряхнув зеленоватую шерсть, пристроился к ногам хозяина. Домовик, из-под коготков которого внезапно исчезла так уютно продранная обивка, пискляво выругался, плюнул, юркнул в карман Антону Владимировичу и начал там суетно обустраиваться.

— Торопись, ротмистр! — повторил Кистенёв и начал активно вращать руками, и Антон Владимирович увидел, что остановившееся время вновь начало понемногу течь.

Словно из ниоткуда соткалось убранство храма. Явились тени товарищей и отца Игоря. Кажется, вот они — руку протяни. Воссиял священный свет фонаря. Рыжков сделал к нему шаг. Другой. Третий.

Но что это?

Резкий укол пронзил шею. Антон Владимирович прихлопнул большое место и, отняв руку, с недоумением обнаружил на ладони две злорадно пульсирующие серые искры.

Золотой свет вновь потух. Всё ещё нереальный храм опять пропал, а искорки в руках Рыжкова вдруг бешено закружились и превратились в серую воронку водоворота, которая стала всасывать в себя ротмистра.

Жандарм перевёл удивлённый взгляд на призрака, и последнее, что он увидел, перед тем как исчезнуть, — разверзшийся в отчаянном крике рот покойного князя.

* * *

— Ненавижу! Ненавижу тебя!

— Меня?! Ненавидишь?! Гад! Я тебя призвал! Я дал тебе тело, возился с тобой, как с сыном!

— Как с сыном?! Да ты всего лишь использовал меня для своих целей!

— Я! Я?! Да! Использовал! Скажи ещё, что ты меня не использовал?

— Скажи ещё, что я бы смог отказаться!

— А ты скажи, что получил от меня меньше, чем я бы мог получить от тебя? Я! Это я дозволил тебе якшаться с этой девкой!

— Не говори о ней так!

— С чего это? Для моих планов она была не существенна! Одно моё слово, и я!.. Да я заставил бы тебя сожрать её! Без соли и перца! Сырой.

— Ах ты!

— Я! Да-да! Я был слишком добр к тебе! Слышишь? Без перца!

— Ну держись!

— Вот как ты заговорил со своим хозяином! И что ты сделаешь?

— Сейчас узнаешь! Старый слабак!

— Да я таких, как ты! Повеса! Накувыркался с ведьмой? Ну дай я только до тебя дотянусь!

— Ага! Давай-давай! Дотянулся? Ничтожество!

— Ничего! Я найду способ!

— Я сожрал тебя! Мы связаны. Мы одно целое, глупый старик!

— Ничего-ничего, я придумаю, как от тебя отделаться!

— Я только об этом и мечтаю! От тебя воняет старичьём даже тут, в небытии!

— Стой!

— Испугался? Старый неудачник!

— Да погоди ты! Гляди!

— Что?

— Жандарм нас видит!

— И что с того?

— Да он от нас по щелчку пальцев избавится, как только попадёт в материальность!

— Не было печали.

— А мы без него здесь заблудимся. Он наш якорь!

— Да! Он нам нужен. Я не хочу вечность кружить тут с тобой, ожидая, пока следующий некромант-неудачник нас не материализует!

— Будто бы я об этом мечтаю! Коротать вечность с Дон Жуаном недоделанным!

— Ненавижу тебя! Слабак!

— погоди! Смотри! Призрак отправляет его обратно в реальность!

— Он же теперь нас видит! Что делать?!

— Не мельтеши! Дай подумать.

— Чего тут думать? Убегать надо!

- Да ты и правда хочешь болтаться между мирами вместе со мной? Не паникуй, тебе говорят!
- Ты мне больше не хозяин! Бежим!
- Смотри! Если сейчас сбить ему сосредоточение, он не сможет прорваться сквозь границу реальности. Как думаешь, он почувствует, если его укусить?
- Ещё бы!
- Полетели!
- Куси его!
- Ага! Смотри! Получилось! Теперь кружимся!
- Зачем?
- Кружись давай!
- Да кружусь я.
- Чувствуешь тот мир, где треклятый Кистенёв запрятал мой стелламин?
- Да! Вон он!
- Надо затащить жандарма туда.
- Так призрак же того и хотел!
- Да и пусть с ним. В той реальности не действуют способности кудесника! Там он не сможет нас развоплотить.
- Понял! Смотри, смотри! Получается! Не такой уж ты неудачник, старик!
- Мастерство не пропьёшь... Держись!

* * *

11 октября 1901

Лютичево

- Как же нам теперь искать его? — вздохнул отец Игорь, выслушав рассказ призрака.
- Отчего Вы так уверены, что Рыжков в той реальности, где не действуют наши чародейские силы?
- Я чувствую, что он там, — уверенно отвечал старый князь. — Где-то не очень далеко, но всё же я не могу до него дотянуться. К тому же возмущения эфира, возникшие после появления в той реальности аж трёх сущностей, не оставляют никаких сомнений: ротмистр именно там.
- Трёх... Некромант и нежить представляют для него опасность?
- Я не стал бы ручаться, но скорее нет, чем да, — с едва чувствующейся неуверенностью протянул призрак. — Сейчас Красновский с Финцониным — всего лишь два стуска энергии, которых может ощутить лишь одарённый. Чтобы воплотить их, нужно провести самый сложный некромантский ритуал. А в том мире необратимо нарушен естественный баланс энергий, отчего невозможны никакие потусторонние воздействия. Не действуют ни наши чары, ни католическая стихийная магия, ни собственно некромантское колдовство. Да! — Голос старого Кистенёва зазвучал пободрее. — Определённо они не опасны.
- А что если послать кого-то на поиски? Есть ли у Вас верные люди?
- Увы, были бы они у меня, — развёл руками призрак, — на что бы мне тогда понадобилась помощь Рыжкова?
- Тогда нам остаётся лишь ждать, что он сам явится в Лютичево.
- Сперва я тоже так рассудил, — кивнул призрак Кистенёва. — Но потом подумал: а ведь прерванный переход между мирами мог повредить сознание жандарма... Он там, но помнит ли, что было с ним в межмирье? Нужно подать весточку соратникам Антона Влади-

мировича. Быть может, они, зная, что их товарищ жив и где он находится, смогут как-то с ним связаться?

— Думаю, в этом я смогу помочь Вам, князь...

Отец Игорь вдруг проснулся от того, что у него непроизвольно и со всей силы дёрнулась нога, как это бывает, когда спотыкаешься в ярком реалистичном сне.

«Неужели привиделось?» — разочарованно подумал священник и осенил себя крестным знаменем.

— Чего только не приснится, — прошептал он и скривился, почувствовав во рту вязкий вкус прерванного сна.

Только-только занявшийся тусклый осенний рассвет нехотя разгонял поселившиеся в мезонине тени. Отец Игорь машинально перевёл взгляд в тёмный угол, уловив какое-то движение, и уже чуть было не сотворил чародейскую искру, поняв, что там завозился пыльный домовик. Однако юркая нечисть, вопреки ожиданиям, не стала убегать и прятаться:

— Поклон тебе от князя, мон шэр ами!^[9]¹ — пропищал домовик и растянул в лихой бесшабашной ухмылке полную мелких зубов пасть.

— Нет, всёжги не приснилось, — крикнул от неожиданности настоятель храма святой Варвары и, пряча улыбку облегчения, демонстративно шуганул нечисть.

* * *

13 октября 1901

Н-ск

Всё время, пока звучал неторопливый рассказ отца Игоря, поручик не находил себе места: вскидывался; уж набирал воздуху, чтобы перебить, поторопить, переспросить; и с явным трудом гасил свои порывы, начиная сосредоточенно маячить по приёмной из угла в угол. Впрочем, это ничуть не мешало опытному рассказчику. Лишь единожды, как раз на том месте, когда парочка бесплотных вредителей помешала ротмистру вернуться в реальность, Дмитрий Иванович не сдержался, всплеснул руками и выдал каркающий стон, переходящий в сип.

— Вам подать воды? — участливо спросил священник.

Закашлявшийся жандарм сделал отрицательный жест, и отец Игорь всё так же размеренно продолжил.

Закончив, настоятель перевёл дух и сам потянулся к графину с водой. Егоров к этому моменту с виду совершенно успокоился, сел в рабочее кресло и застыл, глубоко задумавшись.

— И каким образом Вы собираетесь связаться с Рыжковым? — прервал затянувшееся молчание поручик.

— Не буду заранее подавать надежд, но на этот счёт у меня есть мысли, — улыбнулся в бороду священник. — Как бы мне найти супругу Антона Владимировича?

— О, в этом нет никакой сложности. — Егоров потянулся за клочком бумаги и черкнул адрес казённого особнячка, в котором квартировала семья начальника третьего отделения. — Пройдёте тропинкой через парк, за оградой свернёте налево, и сразу же после купеческого дома будет запущенный сад. Не пропустите.

— А как её величать?

— Нина Вячеславовна. Целительница уездной лечебницы.

— Это я знаю. На том, что она одарённая, и строится мой расчёт.

— Любопытно, — протянул поручик. — Что ж, не смею больше задерживать.

— Благослови Вас Бог, — перекрестил того отец Игорь и был таков.

¹ Мой дорогой друг (фр.-нижегородский).

НОВАЯ ПОМОЩНИЦА

* * *

Егоров ещё немного потянул время, так и сяк раздумывая о перспективах на предложенную должность и, главное, о новых обстоятельствах, эти перспективы приземлившись: «Теперь, когда ясно, что ротмистр не пропал без вести, не затерялся в межмирьи, а, вероятно, вскорости вернётся... Приму „пост“, и это будет выглядеть словно я его подсел. Такого ни один начальник не спустит. Выбьюсь раньше времени в штабы, зато перечеркну себе карьеру...»

Поручик с тоской взглянул на закрытую дверь кабинета.

«И не важно, уверен ли отец Игорь в том, что с Рыжковым удастся связаться, — это особого значения не имеет. Выжил в межмирьи, выберется и из кистенёвской вселенной. Их Благородие — чудесник опытный. Не пропадёт. И ведь главное — я, может быть, больше всех рад его возвращению... Но, Боже! Как же мне это всё разгрести, пока он там!»

Дмитрий Иванович тяжело вздохнул.

«Пойду доложу исправнику вести об Антоне Владимировиче. Заодно попрошу повременить с назначением...»

Отмахнулся и с видом побитого пса поплёлся к выходу из приёмной.

«Ох и попадёт мне от полковника, — думал он. — Да что там полковник. Ну и расстроится же Елена! А надо ли оно мне, расстраивать ведьму? Пусть даже бывшую... Ох, ничем хорошим это не кончится».

Двойная дверь приёмной шумно распахнулась, и на порог шагнула запыхавшаяся и раскрасневшаяся Ланина.

«Легка на помине!»

— Я сильно опоздала, Ваше Благородие? — с невинным смешком, скрывавшим толику лукавства, прозвенела она. — Мне же теперь следует называть тебя «Ваше Благородие»? По крайней мере на службе.

— погоди благородькать-то, — ещё больше сник поручик. — Ротмистр жив.

— Жив?! Где он? — Лицо Ланиной засияло радостью, впрочем через секунду подёрнулось тенью раздумий и тут же мгновенно помрачнело. — Выходит, и моей службы не будет?

— Зато жив, — развёл руками Егоров. — И, если честно, я даже рад, что мне не придётся занимать его место.

— Рад?! — выдохнула Елена. — А я? Как же я? Как же мы? — Красивое лицо Ланиной моментально исказилось от неудержного гнева: — Карьерный взлёт обещал... Внеочередной чин...

Если бы сторонний наблюдатель в этот момент поглядел на злобное лицо Елены, ему сразу бы стала очевидна её ведьмовская природа.

— погоди, погоди хоронить свою карьеру. — Егоров выставил ладони, то ли в примирительном жесте, или вовсе пытаясь отгородиться от моментально впавшей в ярость ведьмочки.

— Ах, оставь это, — сдулась Ланина и не глядя упала на посетительский стул, закрыв глаза.

— Ну, ну! Будет! — растерялся поручик.

— Не успокаивай меня! Я столько за ночь передумала, столько намечтала уже себе, — бессильно прошептала Елена дрожащим голосом. — Всё было так просто вчера утром: заканчивается перековка в монастыре; я уезжаю в академию, и не нужно ничего...

— Чего не нужно?

— Ты куда-то шёл? — отмахнулась Ланина.

— Мне нужно доложить исправнику вести об Антоне Владимировиче.

— Так иди.

— Тебе даже не интересны подробности?

— Я пока не готова их воспринять, — всхлипнула Елена.

Егоров молча сел рядом. «За что мне это?» — было написано на его лице.

— Погоди-ка, — протянул молодой человек, пытаясь разобраться в ощущениях: обострившееся чувство вины перед Еленой — его собственное? Не наведено ли оно извне? — Погоди-погоди!

— Что? — с невинным лицом вскинулась Ланина, и на щеках её проступил едва видимый румянец.

— Опять эти ведовские штучки с проникновением в голову? — нахмурил брови Егоров.

— Вовсе нет! Даже и не думала!

— Не думала? — Дмитрий Иванович сверился с ощущениями, встал и, как всегда в минуты сильного волнения, сердито заходил по приёмной, думая: «А Рыжков все её попытки раскрывал на раз-два... Мне до него ещё ой как далеко!»

— Ты теперь каждый раз будешь подозревать, что я накладываю на тебя чары? — в отчаянии прошептала Ланина, закрыв лицо ладонями.

— Прости! — Ещё более осунувшийся Егоров зажмурился и прижал виски пальцами.

— Мне ещё к Их Высокоблагородию идти. Порадовать, что Антон Владимирович жив. А там, может, и от должности отказываться... объясняться... Прости!

«Ведовские штучки, ведовские штучки, — успокоилась Елена, почувствовав, как сильно поколебала решимость Егорова отказаться от должности. — С тобой, милёнок, никакие штучки-то и не нужны, кроме женских».

— Я всё понимаю, — сквозь слёзы засияла внезапной улыбкой Ланина. — Главное, что Антон Владимирович жив. Делай как нужно.

— Ты не сердисься?

— Нисколько. Я и правда зря всё это себе накрутила, навывдумала. Иди уже к полковнику, иди.

* * *

— У себя? — тихо осведомился Егоров.

Отвлёкшийся от бумаг Кошкин лишь махнул рукой, и поручик, постучав в высокие двери, вошёл в кабинет полковника Вилежа.

— А! Поручик! Хорошо, что зашли, — пробасил Владимир Петрович, удобно устроившийся с сигарой в кресле у журнального столика.

— Доброе утро, Дмитрий Иванович! — выглянул из кресла, стоящего спиной к дверям, Пóнизов.

— Присоединитесь? — Вилеж указал на массивный хьюмидор[10]¹. — Гаванские. Высший сорт.

— Спасибо, Ваше Высокоблагородие, не курю.

— Похвально! — проскрипел Глеб Романович. — А мы вот по-стариковски порой балуемся.

— Итак, поручик, Вы всё обдумали? Представление наверх готово. — Вилеж указал на конверт, лежащий у края начальственного стола.

¹ Ящик с поддержанием влажности для хранения сигар в надлежащих условиях.

— Сперва я хотел бы поделиться только что полученными известиями, — смутился Егоров.

— Чего Вы как барышня шепчете? — хохотнул полковник. — Нет, Глеб Романович, ты слышишь?

— Р-р-разрешите доложить, Вашвысокобродие?! — рявкнул поручик, вытянувшись, как положено перед начальством.

— То-то же, — проворчал в бороду полковник. — Орёл! Вот теперь вижу: не зря на такое ответственное место назначаю. Ну чисто орёл! Докладывай. Да не тянись уже, не на параде.

Егоров с подробностями пересказал всё, что поведал ему отец Игорь. Старики слушали не перебивая, лишь пускали кольца ароматного сигарного дыма, порой вставляли междометья, да к концу разразились всякими эпитетами в адрес не вовремя подоспевших некроманта и его порождения.

— Порадовал, поручик! Молодец, что сразу пришёл доложить. — Вилеж отложил огарок сигары в хрустальную пепельницу, тяжело крикнув встал с насиженного места, подошёл к своему столу и грузно опустился в рабочее кресло. — Что думаешь в связи со всем этим предпринять?

— Дождусь, что получится у Их Преподобия, а дальше по обстоятельствам, — вновь перешёл на докладной тон Егоров.

— Что станешь делать, если у отца Игоря ничего не выйдет?

— Отправлюсь в Лютичево, — на секунду задумавшись, выпалил поручик. — Там попробую установить контакт с призраком, а дальше опять по обстоятельствам.

— Ну да, ну да, — вроде бы про себя проговорил полковник и легко похлопал ладонью по столешнице. Немного подумал и ухмыльнулся, ехидно уставившись на Егорова.

— А что не так, Владимир Петрович? — недоумённо пожал плечами поручик.

— А всё не так! — рявкнул полковник. — Про депешу из столицы забыл? Про задание от самого Бежецкого? Ротмистр — не ребёнок! Рыжков — кудесник с двадцатилетним стажем! Раз выжил, сам выкрутится. И сам найдёт способ вернуться. Слышишь? Сам! А у тебя, Егоров, есть задача, вот и изволь! Землю ешь, камни грызи!

— Но я...

— Вон лежит пакет с инструкциями. — Вилеж указал на ещё один конверт. — Представление о твоём назначении уйдёт в Петербург незамедлительно.

— Владимир Петрович! Я же не только доложиться пришёл, вы же понимаете, раз так вышло... — попытался перейти к делу Дмитрий Иванович.

— Отставить! Кругом! Выполнять!

— Так точно! Есть выполнять! — Егоров схватил пухлый конверт, уставно развернулся и быстрым строевым шагом покинул логово исправника.

— Эко ты его строго, — засмеялся из своего кресла Понизов, когда дверь за поручиком закрылась.

— Ничего, пусть делом занимается, а не этими вот сентиментальными метаньями, — отмахнулся Вилеж.

— Так он про то, зачем пришёл, и слова вставить не успел.

— А то прямо не понятно, что за дело у него. Тоже мне тайна, — фыркнул Владимир Петрович. — Егоров как вошёл, а выраженье глаз: ну чисто у побитого кутёнка^[11]¹. С ним всё ясно с первого взгляда было.

— Так-то оно да, но вот а ну как нет? — задумчиво протянул начальник второго отделения.

¹ Щенка.

— Ой, ты опять туда же. Вечно двойное дно везде ищешь. Сам же видишь: от звания да от должности он отказываться прибежал, как только узнал, что его учитель жив. — Было успокоившийся полковник вновь начал раздражаться. — Чистоплюй! Мальчишка! Работать за него кто будет?

— Ты себя-то вспомни? — развёл руками Позизов. — Из-за чего, говоришь, та дуэль была?

— Эх, молодость-молодость, — вздохнул Вилеж, и его глаза затуманились воспоминаниями о былом.

* * *

— Ну как прошло? — Елена вскочила с адъютантского стула.

— Смотрю, ты рабочее место на всякий случай греешь? — покачал головой поручик.

— Да, хоть напоследок-то можно помечтать... — вздохнула ведьмочка.

— Тут мечтай не мечтай, — кисло начал поручик, но не смог удержать интригу и сразу же засиял хитрой ухмылкой: — Открывай кабинет.

— Ты не отказался от места? — с наигранным удивлением уставилась на поручика ново-явленная помощница.

— Меня даже слушать не стали, — развёл руками Егоров. — Полковник буквально взашей вытолкал, мол иди работай, неча разговоры разводить.

— У-и-и-и! — запрыгала на месте Ланина, захлопав в ладоши. — Я знала, что в этой нашей жандармерии хоть кто-то должен быть умным.

— Э-э-э! — возмутился нахальством поручик. — Если что, с этого момента я твой начальник, изволь называть меня «Ваше Благородие»!

— Ой, да ладно тебе! — звонко засмеялась ведьмочка. — Пойдём устраиваться в кабинете, господин начальник третьего отделения!

— Замещающий должность начальника, — поправил её Егоров и с облегчением рассмеялся.

Дмитрий Иванович отпер кабинет, очень показательно и важно устроился за рабочим столом, положил перед собой конверт, полученный от исправника.

— Ты не рассказал мне, что с Антоном Владимировичем. — Ланина устроилась на краешке стола.

— Ты сядь хоть вон на стул, — строго укорил её Егоров. — Войдёт же кто-нибудь, чёрт-те же что подумают.

— Да пускай думают, — отмахнулась ведьмочка.

— Пускай не пускай, а на службе приличиями манкировать никак нельзя!

— Слушаюсь, господин начальник третьего отделения! — озорно хихикнула помощница и плюхнулась на указанное место.

«Чую, я ещё с ней хлебну», — подумал Егоров и медленно выдохнул.

— Я вся внимание, господин поручик.

Во второй раз за утро Дмитрий Иванович пересказал всё, что узнал от отца Игоря. Чем дальше он говорил, тем тише и печальнее становилась ведьмочка.

— Петя и Лев Михайлович живы?! — Ланина не смогла сдержаться от возгласа, едва Егоров дошёл до того места, когда ротмистр смог разглядеть две бестелесные сущности, преследующие его.

— Если это можно назвать жизнью, — задумчиво протянул поручик.

— Боже! Они вернутся?

— Надеюсь, что нет.

Егоров продолжил рассказ. Ланина сидела неподвижно уставившись в одну точку.

— Ты чего? — забеспокоился поручик, увидевший состояние ведьмочки, лишь когда закончил повествование.

— А вдруг они смогут воплотиться здесь? — Елену едва не колотило.

— Справились с ними один раз, справимся вновь, — уверенно сказал молодой кудесник.

— Справились? — выдала кривую улыбку Ланина. — Это ты называешь справились? А где же тогда твой начальник? Ты так же, как он, «справишься»?

— Мы, — строго поправил её Егоров.

— Мы... — повторила Елена. — Мы: ведьма-недоучка и едва начавший карьеру чародей.

— Не очень-то ты в меня и веришь, как я погляжу? — расстроился поручик. — В любом случае они не смогут вернуться сюда без Антона Владимировича.

Елена задумалась. Вздохнула. Отмахнулась куда-то в сторону.

— Может, ты и прав. Справимся, — неуверенно пробормотала она. — Просто... Хочется стабильности.

— Давай будем решать проблемы по мере их поступления? — предложил Егоров, про себя радуясь, что буря миновала. И пока помощница вновь не начала паниковать, вскрыл конверт с указаниями из столицы. — Вот, например, первая из этих самых проблем...

Из конверта выпал ворох бумаг. Верхняя содержала следующий текст:

Полковнику Вилежу Владимиру Петровичу

Московской губернии, Н-ск, уездное жандармское управление.

Весьма срочно.

Строго секретно.

— Погоди-ка, — опомнился Егоров. — Ты же ещё не принята в штат жандармерии.

— Да и что с того? — слегка удивилась Елена.

— Пока тебя не оформили и не привели к присяге, давать тебе секретные материалы — дело подсудное, — вздохнул поручик. — Идём в канцелярию.

* * *

— Боже, как много бумаг! — Ведьма не вчитываясь подмахивала уже как бы не двадцатый формуляр.

— Привыкнешь, — ухмыльнулся в усы Егоров. — Заполнять всякие бумаги — это теперь твоя важнейшая обязанность.

— Я в них утону! — то ли притворно, но скорей всерьёз ужаснулась Ланина. — Я-то думала, мы кудесничать будем, всякие тайны расследовать, колдунов да магов искать...

— Это всё само собой, — продолжил иронизировать Дмитрий Иванович. — Я буду и расследовать, и искать, и кудесничать, а ты приготовься на каждый мой шаг писать отчёт.

— Мне кажется, барышня, что Вы как-то слишком легкомысленно относитесь к положенным бумагам, — наставительно проскрипел старый письмоводитель, коллежский регистратор Илья Степанович Чурников, подкладывая Ланиной следующую и следующую порцию документов.

— А что в них такого, чтобы относиться к ним серьёзно?

— Ну вот, например, в этой... — чиновник ткнул перемазанным чернилами пальцем в одну из расписок, — в этой сказано, что, если Вы допустите утерю табели формы 184-ун, Вас ждёт каторга. В Сибири, знаете ли, сейчас морозно-с. — Тон письмоводителя был до такой

степени скучен, будто не грозил он страшными карами, которые могут посыпаться на легкомысленную молодую особу, а говорил о чём-то будничном, вроде покупки дичи к ужину.

— Ох! И зачем же я на всё это соглашаюсь? — закатила глаза Елена, начавшая внимательно перечитывать то, что она подписала. — А что это за табель 184-ун?

— Вы ещё не принесли присягу, — размеренно ответил Чурников, — потому знать об этом Вам не положено. А Вы, поручик, постыдились бы так откровенно зубоскалить над установленным свыше процессом, — укоризненно проворчал Илья Степанович. — Вечно у нас третье отделение какое-то разболтанное. Я бы на Вашем месте, Дмитрий Иванович, эту молодую особу ни к чему не подпускал, куда весь документооборот не выучит так, чтоб название каждой формы от зубов отскакивало, разбуди её хоть посреди ночи.

— Как же я её стану будить? — покраснел Егоров. — Это вообще моя помощница! Мы в разных помещениях спим.

— Мне-то какое до того дело? В разных так в разных, — снуло проскрипел письмоводитель. — А делопроизводство пускай сидит да зубрит.

И вот, когда все положенные документы были подписаны и несколько раз перепроверены: все ли росписи находятся на положенных местах, нет ли помарок или, не дай Бог, клякс, — Чурников вложил всю стопку в скоросшиватель. После чего медленно прошаркал к несгораемому шкафу, тихо шипя себе под нос что-то невразумительное — Ланина разобрала только фразу: «моя прелесть», — и, наконец, лязгнул тяжёлой дверцей, запирая бесценные бумаги: своё сокровище.

— Ну-с, барышня, а теперь извольте-с присягнуть, — торжественно провозгласил чиновник. — Вон регалии, штандарт, портрет Государя, Святое Евангелие, распятие.

— А что говорить-то? — недоумённо спросила Ланина.

— Как? — выдохнул письмоводитель и перевёл взгляд на Егорова. — И текст присяги не удосужилась заучить? Вы, Дмитрий Иванович, уверены, что Вам такие сотруднички нужны?

— Может быть, я со своими подчинёнными сам разберусь? — нахмурился поручик. — Выдайте текст.

— Сами так сами, — не стал спорить чиновник и взялся сердито рыться в одном из ящиков стола. — Вот она! Извольте, сударыня.

Елена бережно приняла большой лист плотной пожелтевшей бумаги, на котором красивым шрифтом под старину были типографски отпечатаны слова присяги. Набрав побольше воздуха, она нараспев начала читать:

— Я, Елена Игоревна Ланина, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред святым его Евангелием в том, что хочу и должна Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору...

Звонкий, полётный голос наполнил серое казённое помещение.

— ...в баталиях, партиях, осадах и итурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление, и во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества верной службе...

Щёки молодой ведьмы забагрянились румянцем, глаза засияли кристальным внутренним огнём.

— ...и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предоставленным надо мною начальникам во всем, что к пользе и службе Государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исправлять...

И так прелестное лицо молодой женщины на вид стало скульптурным, словно вытесанным искусным резчиком из цельного куска мрамора.

— ...*В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий. В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь!*

Весь стан её вытянулся вперёд и вверх, будто вот-вот, в одно мгновение, за её спиной расправятся крылья, сделает она небольшой шаг, ещё один и взлетит подобно ангелу. Как только Елена приложилась к распятию, стены канцелярии озарила яркая изумрудная вспышка.

— Есть сомнения в искренности клятвы? — бросил Чурникову поручик, не сводя восхищённых глаз с сияющей Елены.

— Никаких, Ваше Благородие! — с трудом вымолвил остолбеневший чиновник, растерявший всю свою сухость и поражённый не менее Егорова. — Ни малейших сомнений! Клятва, как положено, закреплена чарами...

— А это посильней ваших подписей будет. Клятвенные чары не обманешь и без вреда для себя не нарушишь...

— Знаете, а мне это было нужно, — тихо и отстранённо произнесла Ланина. — До этого я была простой недоучившейся ведьмой, а теперь... Теперь я — кудесница на государственной службе.

— С чем Вас и поздравляю, сударыня, — склонился в поклоне чиновник. — Осталось только расписаться в получении петличных знаков третьего отделения, и Вы свободны.

— А знаки-то где? — Поручик остановил руку Елены, уже потянувшуюся ставить подпись в заботливо раскрытой в нужном месте ведомости.

— Так на склад не поступили-с ещё, — смешался чиновник. — Уж больно неожиданное назначение.

— Вот как поступят, тогда и распишется, — отрезал Егоров.

— Но как же? По протоколу положено...

— Положено ставить подпись после получения, — не стал даже слушать новый начальник третьего отделения. — Пройдёмте, госпожа помощница.

Ланина первой шагнула за дверь, едва сдержавшись, чтобы не показать острый язычок чопорному письмоводителю, Егоров же в свою очередь нахмурил брови, едва не погрозил кулаком чиновнику XIV класса¹ и был таков.

— А то я не вижу, кто там в каких разных кроватях спит, — обиженно фыркнул вслед закрывшейся двери Илья Степанович.

* * *

— Это было так... — Ланина тяжело опустилась за адъютантскую стойку, — мощно. Но теперь у меня совсем нет сил.

— Я сам до сих пор под впечатлением! — поддержал помощницу поручик. — В первый раз вижу такой явный и яркий отклик на чародейскую клятву. А если учесть, что она не должна была быть чародейской... Что это было? Как у тебя получилось?

¹ Коллежский регистратор — чиновник 14-го класса. Низший чин, согласно Табели о рангах. На две ступени ниже поручика.

— Не знаю. Я начала читать, и во мне будто стали ворочаться камни, потом телесная оболочка слетела, и я вознеслась над собой, а затем... Вспышка — и я стою перед вами, и всё сияет кудесной зеленью.

— Дела... — Егоров вдруг нахмурился, взгляделся в мутноватые глаза Елены, потрогал пульс. — Думаю, тебе нужно восстановить силу духа. Ты же, наверное, совсем пуста!

— Да, конечно, — прислушалась к собственным ощущениям чародейка. — Я и простейшего светляка сейчас не смогу воплотить...

— Давай я доведу тебя до монастырского источника.

— Ты забыл про пакет от исправника, — сонно пробормотала Ланина. — Сама доберусь. Прикажи только заложить пролётку. Я же теперь вроде как в штате? Меня возить обязаны.

— Возить обязаны меня, — усмехнулся Егоров. — А тебе, как помощнице, положено сидеть на кóзлах и править экипажем.

— И что, никаких послаблений для дамы?

— Дамам в жандармах вообще не положено. До сих пор ума не приложу, как всё ж таки Вилеж на такой эксперимент-то согласился.

Молодые люди задорно расхохотались.

— Знаешь, а я, пожалуй, смогу ещё продержаться без подпитки, — отсмеявшись, заявила Елена. — Давай прогуляемся до монастыря после службы?

— Уверена?

— Да, да!

— Так и скажи, что не хочешь сама добираться до источника, — поддел Дмитрий Иванович и, тут же став серьёзным, предположил: — Точно не надорвёшься?

— Что ты. Это же несколько дней подряд надо так вот полностью расходоваться. А разово оно, наверное, даже полезно. Ну и самой, конечно, не хочется идти, — с деланой скромностью ответила на подначку Елена.

— Кстати, — вспомнил Егоров, — ты же вчера была у Рыжковых. О чём говорили?

— Да так, ни о чём таком особом, — чуть потупилась бывшая ведьма.

УЖИН У РЫЖКОВОЙ

* * *

12 октября 1901

Н-ск

Маленький особнячок, притулившийся у края парка, в отсутствие хозяина словно бы осунулся, погрязнул и на вид вроде даже погрузился на несколько вершков в землю. Совсем недавно пытавшийся выпасть первый снег быстро сошёл, оставив запущенный сад в неприглядном, почти неряшливом состоянии конца осени, а ранняя вечерняя тьма лишь подчеркнула тоску и стылость, что поселилась в этом неожиданно осиротевшем доме.

К приходу гости Нине Вячеславовне даже не пришлось успокаивать детей, со дня пропажи отца быстро повзрослевших, ставших не в меру тихими, насупленными и чуть нелюдимыми. В ответ на осторожный стук во входную дверь из детской выглянул лишь маленький Тёма, да Слава недовольно крикнул:

— Ну кто там ещё? — А не получив ответа, даже не постарался полюбопытствовать: в самом деле, кто же это пришёл.

Лиза же без интереса читала какую-то потрёпанную книгу, свернувшись калачиком в неразобранной кровати, и вовсе проигнорировала приход Ланиной, а только раздражённо повернулась к стене и с шумом выдохнула.

Нина Вячеславовна в нетерпении ожидала гостью и потому сама поспешила открыть ей дверь.

— Добрый вечер, дорогая! — ласково улыбнулась она.

— Здравствуйте, Нина Вячеславовна! — Озябшая от промозглого ветра молодая ведьма юркнула в дверь, едва та отворилась, и быстро захлопнула её за собой. — Я Вам сонных трав принесла. Как же на дворе неприятно!

— Да ты совсем продрогла! — засуетилась хозяйка, едва увидев посиневшие губы молодой женщины. — Проходи, проходи скорее греться!

— Спасибо! — Ланина обняла себя руками в попытке унять дрожь и пошла в гостиную следом за Рыжковой.

— Аннушка! Неси скорее одеяло! — кликнула Нина Вячеславовна хлопчущую в кухне служанку и стала устраивать Елену в глубокое кресло, пододвинутое вплотную к натопленной печи. — Разве ж так можно, в твоём-то положении?

— У извозчика в пролётке верх весь худой оказался. Так и сквозило изо всех щелей, — жалостным голосом поделилась ведьмочка.

— Аннушка, скорей! — повысила голос хозяйка. — У бедняжки зуб на зуб не попадает! Что ж тебя никогда не дождёшься?!

— Мне уже теплее, спасибо! — всё так же слабо пробормотала Ланина.

— Эй, эй! Да ты никак засыпаешь? — совсем уж встревожилась Нина Вячеславовна и, легко дотронувшись до лба гостьи, убедилась, что у неё начинается жар. — Тут уже другие меры принимать надо!

Рыжкова встала напротив гостьи, накрепко сжала ладонями её виски и, прикрыв глаза, зашептала монотонный речитатив. У рук целительницы начал разгораться сперва едва заметный изумрудный отсвет, который распался всё ярче и ярче, пока не стал нестерпимым сиянием и не залил собою гостиную.

— Не переборщила? — тревожно склонилась над переставшей дрожать ведьмой Нина Вячеславовна.

— Может быть, только самую малость, — выдохнула оживившаяся Ланина. Бледность покинула её щёки, и они заалели здоровым молодым румянцем. — Даже не знаю, как Вас благодарить.

— Да что ты, право слово! Не стоит. — Улыбка целительницы залучилась глубоким внутренним светом.

— Несу! Уже несу! — Из глубины дома зашелестели торопливые шаги Аннушки, тащащей на вытянутых руках ворох разномастных одеял.

Глаза хозяйки широко распахнулись. Она набрала побольше воздуха и начала было уже распекать нерасторопную девушку, но услышала звонкий смехок гостыи, тяжело выдохнула и присоединилась к задорному смеху.

— Пойди! Уже не нужно, — отмахнулась она от хлопавшей глазами служанки, силящейся взять в толк, чего такого весёлого нашли баре.

— А чем это пахнет? — поинтересовалась отсмеявшаяся Ланина, почуяв доносящийся откуда-то лёгкий аромат еды.

— Утка! Утка же сгорит! — всполошилась Аннушка и выбежала, не выпуская из рук своей ноши. — То принеси им одеяла, то не нужны им одеяла! — раздались из кухни возмущённые причитания служанки, гремящей заслонкой духового шкафа.

Нина Вячеславовна придвинула кресло поближе к тому, в котором устроилась гостыя, села на край и стала приветливо смотреть на молодую женщину, словно бы ожидая, что та заговорит первой. Елена не смущаясь смотрела в глаза хозяйке и так же открыто улыбалась, не торопясь начинать обещающий быть трудным разговор. Из столовой послышались звуки расставляемой посуды и неразборчивое ворчание недовольной Аннушки. Когда небольшие часы неспешно отбили восемь вечера, радушная хозяйка пригласила Елену за стол. Служанка молча подала горячее и скрылась на кухне хлопотать над десертом.

— Не слишком ли легкомысленно ты относишься к своему здоровью? — начала разговор целительница, после того как чуть передержанная утка с нежнейшим басмати¹ была съедена. — Твоё положение требует очень бережного отношения к себе.

— Знаете, — мягко начала Ланина, несколько секунд поколебавшись, — наверное, я полностью ещё не поняла и не приняла всего этого. Для меня ничего не поменялось...

— Ты ещё ничего не ощущаешь?

— До некоторого времени и нечего было ощущать. Едва-едва месяц только прошёл, как Петя... — Елена вздохнула и посмотрела в потолок, делая вид, что сдерживает слёзы, сама же думала: «Стоит ли ей рассказать про нашу попытку вернуть ротмистра?» — И если бы не один эпизод, — продолжила она, решившись, — то мне бы и мысли не пришло, что...

— Этот эпизод был как-то связан с потусторонним? — догадалась хозяйка.

— Более того, он напрямую связан с пропажей Вашего мужа.

— О! — Секундное смятение отразилось в глазах Рыжковой. — Расскажи, пожалуйста? Елена недолго собиралась с мыслями и начала пересказ событий месячной давности:

— Всё началось с того, что отец Игорь, настоятель Лютичевского храма святой Варвары, предположил, что сможет попытаться указать Антону Владимировичу путь из межмирья...

* * *

19 сентября 1901

¹ Сорт риса.

Н-ск

Печальной и сумбурной выдалась для Н-ского жандармского управления декада после дня осеннего равноденствия.

В силу основательной трёпки, полученной из столицы, исправник Вилеж ходил по управлению мрачнее самой чёрной тучи, а его испуганные подчинённые жались по кабинетам, стараясь, как чего не вышло, пореже появляться в коридорах, чтобы не дай Бог не встретиться взглядом с хмурым начальством.

Досталось всем. Журбину и его первому отделению за то, что плохо следили за артистами театра «Паяччо» и вовремя не распознали в невесте откуда взявшемся клоуне просочившегося в труппу неудачника-некроманта.

Второе отделение и его начальник, подполковник Пóнизов, пострадали за то, что не учли возможной связи директора театра Чезаре Труффаторо с Красновским, а как раз эта связь и позволила тому до поры до времени скрываться от рыщущих по его душу жандармов, да ещё и разжиться необходимым для колдовства стелламином. Но стоило только подполковнику предложить арестовать Чезаре и задержать до выяснения его труппу, с самого верха последовал такой резкий окорот за это предложение, что опытный интриган, паникуя, не нашёл ничего лучше, чем спешно вытурить «Паяччо» вместе с антрепренёром да ещё и пригрозить напоследок всяческими карами, если проблемный театр ещё раз появится в окрестностях Н-ска.

Особо же перепало третьему отделению в лице оставшегося на хозяйстве Егорова за то, что он не успел поддержать командира в бою с некромантом. Не менее серьёзный нагоняй получился потому, что хоть Рыжков и смог одолеть некромантское отродье (из последних сил, не без помощи шамана), но, не рассчитав собственных возможностей, получил чародейское опустошение и теперь валялся без сознания на больничной койке. Ну и в качестве завершающего штриха главная и самая серьёзная выволочка воспоследовала за то, что главный объект «негласного» наблюдения — шаман Фанг Хэ — будто в воду канул, сразу же после развоплощения нежити.

Всем остальным: письмоводителям, телеграфисткам, конюхам, истопнику и немому дворнику — досталось сугубо за компанию, чтобы впредь неповадно было, да и вообще...

Однако погоны, как ни странно, ни с кого не слетели, в чинах и званиях никто не потерял. К третьей четверти сентября начальственный гнев приподулётся, и жандармское управление начало подумывать о том, что можно начать дышать чуть более свободно.

* * *

— Я и вправду безмерно рад Вас видеть, — вполголоса говорил Егоров, сидя в глубине приёмной рядом с молодой ведьмой и держа её руку в своих ладонях. — Но не примелькались ли Вы в управлении?

— А мы разве снова не на «ты»? — задорно усмехнулась Ланина.

— На службе всё-таки. Вдруг кто услышит?

— Что ты мне «тыкнул»? — проворковала Елена. — А не всё ли равно? Исправник же сказал, что пристроит меня к делу, как будущую чародейку.

— Но ещё не пристроил же. А до тех пор... Знаешь, что подумают?

Елена, внутренне потешавшаяся над этой неуместной робостью молодого человека перед досужими домыслами, не успела рассказать о своём отношении к тому, кто там и о чём подумает, как в приёмную кто-то осторожно постучался.

— Кхм... Входите! — едва не поперхнулся метнувшийся за стойку поручик.

— Доброе утро, Дмитрий Иванович! — с порога поздоровался отец Игорь.

— Здравствуйте, святой отец! — обрадовался поручик. — Какими судьбами?

— Храни тебя Бог, — благословил молодого человека священник. — Слышал я, что твой начальник в бою с нежитью получил крайнее чародейское опустошение и заплутал между мирами?

— Так и есть, Ваше преподобие! — печально подтвердил Егоров. — Вот уже восемь дней, как Антон Владимирович не приходит в сознание.

— Уже восемь дней? — встревожился священник. — Вы знаете, что я очень обязан ротмистру Рыжкову, — продолжил он. — Их Благородие оказал весомую услугу мне, а что главное — Церкви. Я долго искал, чем ему помочь, и, как мне кажется, обнаружил, как указать его сознанию путь обратно в нашу реальность.

— Вы сможете вернуть нам Антона Владимировича? — воодушевился поручик.

— Всё в руках Божьих. Пока что вероятность хорошего исхода велика. Но надо поспешить: после девятого дня, боюсь, будет поздно...

— И чем же грозит ротмистру девятый день? — встревожился поручик.

— Увы, но к этому времени окончательно оборвётся нить, связующая душу и тело. Плоть не сможет принять сознание, и оно будет обречено вечно скитаться в межмирьи.

— Если у Вас получится... Н-ская жандармерия и я лично будем весьма обязаны, — задумчиво протянул поручик. — Ротмистр находится в уездной лечебнице, под присмотром супруги. Едем к нему? Заложить пролётку?

— Давайте не будем тревожить супругу Антона Владимировича, — помотал головой священник. — Пусть она и дальше заботится о пустом теле — для указания пути духу оно не требуется. Мне проще будет провести нужный ритуал в намоленном месте: в моём храме.

— В таком случае что требуется от меня? — удивился Егоров.

— Мне в помощь обязательно нужны двое одарённых, — ответил отец Игорь. — Я хотел бы попросить Вас участвовать в ритуале, а также присоветовать ещё кого-то осенённого чародейской силой. Говорят, жандармерия ведёт полный реестр одарённых?

— Думаю, нам тут и реестр не понадобится, — улыбнулся Егоров. — Позвольте представить, Елена Ланина, начинающая чародейка и в будущем служащая жандармерии.

— Мы немного знакомы, — со строгим видом обернулся священник к ведьме, всё это время тихо жавшейся в уголке, подобно мыши.

— Здравствуйте, святой отец! — виновато пролепетала Ланина, отводя взгляд.

— А ты была посмелее в нашу последнюю встречу... дитя... — Укоризна так и слышалась в каждом слове иерея.

— Что Вы, батюшка, — кинулся защищать ведьму Егоров. — Мы с Их Благородием разобрались, что она самая большая жертва тех обстоятельств.

— А с нежитью-то «жертва», чай, по незнанию амуры крутила? — продолжал смотреть исподлобья священник. — В коляске-то у некроманта, когда тот приехал договариваться о поспешном венчании, барыней сидела. Возмущалась. Сквозь губу указывала.

— Всё так... — опустила плечи Ланина, щёки её покрылись краской жгучего стыда, а глаза наполнились влагой. — Я... Я spolна наказана за то, — шмыгнула носом ведьма.

— «Погибели предшествует гордость, и падению — надменность»[14]¹, — прошептал под нос священник и продолжил громче: — Так уж и spolна?

— Простите, — только и смогла вымолвить Ланина.

— Бог простит, — сжал губы священник. — Исповедоваться бы тебе.

— Здесь? Сейчас? — всполошилась ведьма.

— Ну зачем же? Доберёмся до Лютичева, приму твою исповедь.

¹ Стих из книги «Притч Соломоновых» (гл. 16, ст. 18).

— Так Елена годна для наших планов? — облегчённо произнёс Егоров. — А я уже начал прикидывать, кого же нам просить. Сами понимаете, не столица: из одарённых в основном только ведьмы.

— Если бы не спешка... А так любой не простец годится, — отмахнулся отец Игорь. — Хорошо бы отправиться в Лютичево прямо сейчас!

* * *

На Лютичево упала непроглядная осенняя ночь. Ни в одном доме не было видно ни искры света. Лишь одинокая дубрава качала сучьями на фоне тёмного беззвёздного неба, да светились в стрельчатом окне храма святой Варвары две едва видимые золотые искры горящих свечей.

На амвоне лицом к иконостасу стоял на коленях отец Игорь и истово крестился на печальный лик Спасителя, распятого и страдающего.

У аналоя, едва соприкасаясь рукавами, стояли жандармский поручик Егоров и будущая кудесница Ланина.

В их руках трепетали два нежных огонька.

Взявшийся ниоткуда сквозняк пролетел под сумрачными сводами церкви.

Лицо Спасителя на краткий миг воссияло золотым светом, и из-под тернового венца покатила одна единственная алая капля, которую и поймал настоятель, бережно подставивший изукрашенный фонарь.

— Подойдите! — произнёс священник тусклым, обессиленным голосом.

Жандарм и ведьма приблизились к амвону. Протянули огоньки свечей к фонарю, и тот ярко запылал нереальным ликующим солнечным светом.

— Чуете? — через несколько тягучих секунд произнесла Ланина.

— Что? Где? — завертел головой Егоров.

— Там! — Елена выпростала руку в сторону, откуда, как ей показалось, надвигалась некая ненормальность. — Там, ну вот же!

— Ох! Что это? — Дмитрий Иванович наконец разглядел призрачную изумрудную точку, проявляющуюся в реальности, и преследующее её серое аморфное марево.

Отец Игорь взгляделся в ту же сторону. Аккуратно поставил пылающий фонарь на холодный мрамор пола и пал ниц перед распятием.

— «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной...»^[15] — Клирик впечатывал каждое слово молитвы, словно забивал гвозди. Каждая следующая фраза явно давалась ему с ббольшим и ббольшим трудом.

Золотой свет фонаря ослепительно вспыхнул, добрался до серой хмари и пронзил её насквозь тонкими пиками лучей.

Нереальное марево схлопнулось и опало.

Изумрудная точка стала приближаться.

Ещё.

И ещё.

Потом зависла на месте. Будто попав в водоворот, покружилась пару мгновений и начала быстро расти.

Егоров прынул вперёд, увидев лицо наставника, проявляющееся из далёкого Ничто. Поднял руку ему навстречу, и, когда оставалось дотянуться чуть-чуть, буквально полпяди, призрачную фигуру Антона Владимировича прошел короткий серый всполох. Ротмистр замер на удар сердца и развалился, как будто был составлен из множества детских кубиков. Поручик

¹ Псалом Давида.

распахнул в удивлении глаза, упал на колени и зачем-то попытался сгрести оставшуюся от Рыжкова горку полуматериальных игрушек, но те просыпались серым песком сквозь пальцы, и их разом вымыло из реальности.

Елена, почувствовав нечто знакомое в остановившем Рыжкова явлении, ни с того ни с сего вздрогнула.

Прижала руку к животу.

Спина её покрылась липким холодным потом.

Она оглянулась. Вздохнула. И кулём опала на пол, ощутив под сердцем ещё один пульс.

— Вот тебе и «сполна наказана», — обессиленно прошептал отец Игорь, промакивая слезящиеся от напряжения глаза.

* * *

12 октября 1901

Н-ск

— Почему же мне никто не рассказал об этой попытке? — всплеснула руками Нина, лишь только ведьма закончила своё повествование.

— Сперва мы решили заранее не тревожить Вас, — потупилась Елена. — А потом, когда не вышло, так тем более не стали расстраивать: что бы это изменило?

— Но отчего ты мне поведала это сейчас?

— Мне ещё утром показалось... что... — никак не могла подобрать слов Елена. — Я лишь почувствовала, как Вам важно знать о том, что именно происходило с Вашим мужем. Даже несмотря на то, что нам не удалось его вернуть.

— А вы поняли причину? Почему именно у вас ничего не получилось?

— Нет, — ещё сильнее расстроилась Ланина. — Антон Владимирович почти воплотился, но в последний момент что-то серое пробило его тень, и он исчез...

— Всё равно я чувствую, что он жив... — едва слышно прошептала целительница.

Обе женщины посидели молча. Каждая переживала о своём.

— А что с исповедью? — прервала затянувшуюся паузу Нина Вячеславовна, мягко свернув к теме, ради которой она и пригласила Елену. — Ты же сказала отцу Игорю о твоём положении?

— Да там и говорить ничего не пришлось, — пожала плечами Ланина. — Мне кажется, что он всё понял ещё при нашей встрече в управлении.

— Но ты исповедалась ему?

— Да.

— И? Он дал тебе хоть какой-то совет?

— Дал, но я хотела бы оставить это при себе, — грустно улыбнулась Елена.

— Один вопрос... Ты же понимаешь, что носишь дитя потусторонней сущности, которая никогда не была человеком?

— Да...

— И понимаешь, как это опасно? — Нина говорила медленно, пытаясь подбирать слова. — Опасно для окружающих и в первую очередь для тебя...

— Отец Игорь сказал те же слова...

— И?..

— Что «И?..» — с вызовом посмотрела на целительницу Елена.

— Ты же знаешь, что отец Игорь или я... можем помочь тебе с этим прямо сейчас? Пойми, скорее всего это даже не человек...

— Нет! Будь что будет! — Глаза ведьмы загорелись гордым упорством. — В этом мне не нужны чьи бы то ни было советы и я не жду чью-либо помощь! Это мой ребёнок! — отчеканила она.

— Бедная девочка! — Нина Вячеславовна взяла Елену за руку. — Когда придёт срок, пообещай, что ты останешься под моим присмотром? — мягко предложила она.

— Я сама хотела попросить, — улыбнулась сквозь выступившие слёзы ведьма.

— Ну и вляпалась же ты в историю, девочка, — вздохнула Нина. — А как же Дмитрий? Когда ты ему скажешь?

— Я не знаю, — ещё сильнее покраснела ведьма.

— Он очень хороший молодой человек, не обижай его!

— Постараюсь! — выдохнула ведьма. — Он такой... Право, не знаю, как ему сказать.

— В любом случае это придётся сделать, — вздохнула Нина Вячеславовна. — И чем раньше, тем лучше.

— Я боюсь... Я не знаю... Он оставит меня!

— Лучше сделать это самой, чем ждать, когда всё станет очевидно и он догадается самостоятельно. Тогда уж точно оставит.

— Хорошо ещё, что Дмитрий Иванович так ничего и не понял в церкви... — виновато произнесла ведьма. — Он был в таком раздрае, на грани помешательства.

— Я его очень хорошо понимаю! — Горечь чувствовалась в словах Нины. — Думаю, в тот же самый миг Антон на секунду очнулся и исчез из лечебницы у меня на глазах... Чувствую, Егоров испытал примерно то же, что и я...

— Вы думаете, Антон Владимирович пропал из-за нашей неудачи? — ахнула, распахнув глаза, Ланина. Про себя же выдохнула — скользкая тема с признанием сама собой замялась.

— Я очень хочу думать, что нет... — поникла Нина. — Нет! Вряд ли. Понимаешь, он уже уходил... — Хозяйка закрыла лицо ладонями. — Все восемь дней я вливала в него чары, в тщетных попытках вернуть стабильность его духу. Я билась из последних сил — сама подошла к грани чародейского опустошения. Но всё было напрасно. Энергия втекала в него и тут же развеивалась. А он угасал... — Глаза целительницы наполнились влагой. — Может, этой своей попыткой Вы, наоборот, спасли его от разрушения телесной оболочки.

— Надеюсь, так и было! — активно закивала Ланина и, почувствовав, что разговор вновь может вернуться к Егорову, быстро сориентировалась: — Что-то у меня от всех этих воспоминаний в горле пересохло...

Чувство такта подсказало Нине Вячеславовне, что важно не передавить, а потому она была рада представившейся возможности свернуть чересчур наставительный разговор.

— Аннушка, будь добра, подай чаю! — распорядилась хозяйка и тут же передумала. — Нет! Тут надо что-то покрепче. Неси наливку. — И опять передумала. — Хотя нет! Нашей гостье не след. Чай неси!

— Так что несть-то? — выглянула из-за двери служанка. — То чай, то наливку. Сами не могут решить, а мне носись тут.

— Твой гусь чудо как удался! — вставила довольным голосом Ланина.

— Да что там! — зарделась Аннушка и поспешно скрылась, чтобы тут же вернуться с огромным завернутым в салфетку китайским чайником.

Когда чаепитие было накрыто, чай рóзлит, сласти выставлены, служанка скрылась в кухне, плотно затворив за собой дверь.

— Здравствуйте! — пролепетал бочком пробиравшийся поближе к столу маленький Тёма, до того от смущения прятавшийся за углом, но живо растерявший часть робости при виде горки конфет.

— Чего ты дичишься, мой хороший? — потрепала его по голове Нина.

— Держи вот эту, она самая сладкая! — Гостья выбрала самую большую конфету в яркой обёртке.

Мальш потянул ручку, но остановился, глядя на мать, и цопнул сладость, лишь только та разрешающе кивнула. Завладев добычей, Тёма тут же спрятался за Ниной Вячеславовной, шурша фантиком и сверкая хитрыми глазёнками в сторону понравившейся ему гостьи.

— У вас тут что, конфеты? — Слава вырос будто из-под земли. — А мне?

— А не кругловат ли ты для конфет? — с притворной строгостью осадил среднего сына мать.

— Чего сразу обзывать? — надулся он.

— Да ладно, ладно, держи. — Нина выудила конфетку поменьше и вручила её Славе.

— Спасибо, мама! — Мальчик обнял мать, мимолётно чмокнул её и скрылся, пока взрослые не передумали.

Тут же с недовольным лицом явилась Лиза. Столкнувшись в проходе с младшим братом, она прошипела тому что-то похожее на «С дороги!» и остановилась у стола, молча выставив ладонь.

— Это ещё что за новости? Ты бы хоть поздоровалась, — с укоризной попыталась осадить дочку Нина Вячеславовна.

Лиза лишь громче запыхтела носом, даже не попытавшись взглянуть ни на мать, ни на гостью, а только закатила глаза к потолку и сделала пальцами жест «Дай!».

— Подросток... — сочувственно усмехнулась Ланина.

— Даже не знаю, что с ней и делать, — пожаловалась мать, вкладывая сладость в протянутую руку.

— Пф-ф! — фыркнула Лиза, развернулась и, недовольно топая, покинула столовую.

— А скоро ещё и кавалеры появятся... — успокоила Нину Ланина.

— Ох не вовремя же мой Антон пропал, — вздохнула Рыжкова, опустив плечи.

— Он обязательно найдётся, я уверена! — со всей возможной искренностью произнесла Елена. — Давайте я Вас научу заваривать травы для сна?

ПОИСК ШАМАНОВ

* * *

14 октября 1901

Н-ск

— Да так: поболтали о том о сём; налились чаем с конфетами. Потом я научила Нину Вячеславовну готовить сонный отвар, да и разошлись, — не стала распространяться о поси-делках Елена.

— Ну и хорошо, что ты ей помогла, а то она ходит сама не своя. Давай продолжим со столичными инструкциями? — вдруг вспомнил о срочном деле поручик. — Присягу ты уже дала, пора приступать к службе.

— Идём! — обрадовалась первому заданию новоявленная помощница начальника третьего отделения.

Молодые люди зашли в кабинет. Егоров сел на краешек начальственного кресла, Ланина устроилась напротив него.

— Для начала прочти это. — Поручик передал помощнице первую депешу из столицы.

— Шаманы пропали? — удивилась Елена.

— Как в воду канули, — подтвердил Егоров. — Из Н-ска точно выехали. Сам сажал их в экспресс. И вот смотри, что пишут дальше. — Поручик, уже успевший прочесть вторую телеграмму, протянул её бывшей ведьме. Сам же занялся пухлым пакетом приложений.

Елена взяла знакомую бумагу, начало чтения которой и привело её к принятию присяги:

Полковнику Вилежу Владимиру Петровичу

Московской губернии, Н-ск, уездное жандармское управление.

Весьма срочно.

Строго секретно.

Поручаю произвести розыск объекта „шаман“ при помощи всех доступных кудесникам третьего отделения потусторонних практик. В случае обнаружения даже самых незначительных следов объекта незамедлительно телеграфировать в С-Пб. Обращать особое внимание и относиться с категоричной серьёзностью к возможным проявлениям во вверенном округе признаков использования католической магии или лютеранского колдовства. Совместно со вторым отделением проверять всех прибывающих в город лиц на предмет связей с иностранными подданными. Первому отделению усилить работу с подозрительным элементом. Любые следы использования проклятого металла трактовать как действия, направленные против имперской безопасности. Даю разрешение на арест и содержание под стражей всех лиц, подозреваемых в потусторонних воздействиях при посредстве стелламина.

Прошу проявить максимальную ответственность и отнестись к своим обязанностям со всем тщанием!

Товарищ министра, генерал-майор Бежецкий

Санкт-Петербург, управление имперской безопасности.

— Обрати внимание на это „прошу“, — указал Егоров, едва Елена справилась с текстом и подняла взгляд на него.

— А что с ним?

— В столичных указаниях „просьбы“ встречаются так же часто, как крокодилы в бассейне Енисея, — озадаченно потёр затылок поручик. — И сулят они одну из двух вещей: либо дождь из чинов, наград и званий тому, кто выполнит „просьбу“; ну или же лишение всего того, с последующим поселением недалеко от того же Енисея.

— Как у нас всё строго, — проворчала Ланина. — А прямо так сказать нельзя?

— Можно. Только вот высказанная угроза менее страшна, чем такая — полуподнамёкнутая.

— Так тут не только же угроза? Тут ещё и обещание всяких благ есть!

— «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»[16]¹, — усмехнулся Егоров. — Блага — они, может, будут, может, нет, ещё не известно. Может, и прольются. Но не на нас, уездных, а там, где повыше. Тем, кто без просыпу координировал, чутко руководил и умело направлял процесс.

— Куда я попала? — непритворно вздохнула Елена. — До присяги ты мне это всё мог сказать?

— Тогда бы ты не согласилась, — с широкой улыбкой произнёс поручик и попытался подражать злодейскому «смеху Мефистофеля», услышанному им в одной из театральных постановок. — А мне, знаешь ли, юная помощница нужна. А то прикрепили бы какую-нибудь...

— Ну тебя! — махнула Ланина. — А ещё целый начальник третьего отделения!

— Исправляющий должность начальника третьего отделения! — наставительно поднял вверх палец Дмитрий Иванович и заразительно засмеялся. Елена присоединилась.

— А чтойта? — Сразу после короткого стука дверь отворилась. На пороге стояла первая за день престарелая просительница и с укоризной смотрела на смеющихся молодых людей.

— С добрым утром, сударыня! — сухо сказал Егоров. — Обождите в приёмной.

— У меня важное дело к начальнику третьего отделения! — боевито начала старушка.

— Тем не менее, — добавил стали в голос поручик.

— Хорошо, хорошо, — решила отступить пожилая женщина. — А сам-то он скоро ли будет?

— Кто? — сделала круглые глаза Ланина.

— Так Сам. Антон Владимирович... — запнулась старушка. — Дмитрий Иванович, голубчик, мне бы твоего начальника. Буквально на пару словечек.

— Вы что-то перепутали, бабуля, — улыбнулась Елена, взяла посетительницу под локоток и вывела её из кабинета.

«Начинается», — с раздражением подумал Егоров и вернулся к пакету с приложениями.

— И так, — вернулась в кабинет Ланина, когда прошло от силы полминуты.

— Ты так быстро? — удивился поручик.

— Да там и делать нечего, — отмахнулась ведьма. — Бабуля забыла, зачем пришла, едва мы вышли в приёмную.

— Ведьмовские штучки? — Взгляд Егорова стал очень строг.

— Если только самую малость, — прыснула Ланина, то ли не заметив, то ли проигнорировав тон начальника.

— А если она и правда по делу пришла? Антон Владимирович всегда как минимум заставлял меня опрашивать всех посетителей. Особенно престарелых.

— Ой, да ладно, — махнула рукой Елена. — А то я её не знаю. Это Каланчиха с выселок. Куры у неё нестись перестали. Думает на Шурку Голяшкину. Дескать, зелья варит, значит и на курей порчу наслать может. А Шурка-то зелья варит не без того. Но куры? Не её профиль. Надорвётся она такое навести. У неё силёнок-то... — фыркнула Елена.

¹ А.С.Грибоедов, «Горе от ума».

— Ого! — Егоров слушал бывшую ведьму с раскрытым ртом. — А ты, оказывается, в нашем деле ох какая полезная! Картотеку ведьм заменишь? Не ожидал.

— А я ещё вышивать умею, и на машинке...

— При чём тут машинка? — удивился поручик.

— При том, что много на что годна, — подбоченилась новоявленная помощница начальника третьего отделения.

— Всё, всё. Вернёмся к нашим инструкциям! — сделал строгую мину Егоров. — А Ваша полезность, Елена Игоревна, будет всячески учтена.

— А я запомню!

— И это учтём, — ухмыльнулся поручик. — Собирайся, пойдём на двор, попробуем навести поисковые чары.

— Пойти птицу изловить? — сделала хищное лицо Ланина.

— Стыдитесь, — продолжил полушутливо Егоров, — у нас здесь жандармерия, а не ведьмовской притон. Мы тут чародейскими методами всё делаем, а не вашей бабкиной архаикой балуемся.

— Отчего же сразу притон-то? — разобиделась за товарок бывшая ведьма.

— А вот оттого, — не сразу нашёлся что на это возразить поручик. — Из-за общей злопакостности.

— Ах так! — округлила глаза Елена и скрестила руки на груди.

— Да, как начальник я — большой самодур, — показно ослабилась поручик. — Ты ещё хлебнёшь у меня.

«Ну-ну, — подумала ведьма, — посмотрим ещё, кто хлебнёт». — И кабинет вновь заполнился молодым смехом.

* * *

На заднем дворе управления, посреди пожухлого осеннего газона, Егоров, сверяясь с пухлым справочником, обозначил большую чародейскую звезду, воткнул в каждую из восьми вершин добытые в кладовой металлические штыри. Затем попросил Ланину взять два мотка бечевы разного цвета — одну зелёную, вторую белую — и натянуть её меж штырями так, чтобы получились два квадрата. В точках пересечения кудесник подстелил бумажек и осторожно высыпал из холщового мешочка изумрудного цвета то ли песок, то ли порошок.

— Мне казалось, у Антона Владимировича как-то всё проще было с поисковым ритуалом? — протянула Елена, с сомнением глядя на получившийся алатырь^[17]¹, в то время как Дмитрий Иванович внимательно сверял получившееся со схемой.

— Ну ты сравнила. — Поручик заметил неправильно отмеченную вершину, подошёл к ней и переставил штырь немного правее. — Там и предметом поиска вся округа «пропахла», и брошь, при помощи которой искали, — личная вещь...

— А у нас остались какие-то вещи шаманов?

— Да что там осталось-то... Вот. Слезы же! — Егоров разжал кулак и с сомнением посмотрел на монетку с квадратной дыркой в центре: то, что нашлось в папке Дела о похищении Сиу Лин в торговых рядах. — Ещё не факт, что на саму помощницу уважаемого Фанг Хэ покажет, а не на какого-нибудь торговца сушёными кузнечиками, у которого она взяла сдачу.

— Зачем Сиу покупать сушёных кузнечиков? — удивилась Ланина. — У них же все шаманства на танце и песнях завязаны. Да и к чему ей кудри выпрямлять?

— При чём тут кудри? — оторопел Дмитрий Иванович.

¹ Восьмиконечная звезда, символ чародеев.

— А я что-то больше и не знаю, для какого зелья могут понадобиться сушёные кузнечики.

— Зелья? — усмехнулся поручик. — Почему зелья? Обычный перекус. Они там у себя в Китае чего только не едят. Не знаешь, что ли?

— Фу ты, гадость какая! — скривилась Ланина. — Ты небось меня разыгрываешь?

— Вот мне делать-то нечего, только тебя разыгрывать! Как найдём наших «объектов», сама у них спросишь, — отмахнулся Егоров. — Начинаем!

— Давай! Что мне делать?

— Я сейчас встану в центр, буду держать в руках монету и сосредоточусь на объекте. Твоя задача — следить за тем, как будет прогорать чародейский песок, и подсыпать его по мере надобности.

— А я не обожгусь?

— Не должна, — легкомысленно бросил Егоров. — Чародейский песок при горении выделяет жар в потусторонний мир, а в реальность попадает лишь самая малая часть. Просто следи, чтобы кучки в узлах алатыря всё время были одинакового размера.

— Поняла.

Откуда ни возьмись заморосил холодный мелкий дождь. Поручик зябко запахнул шинель, встал в центр восьмиконечной звезды, сжал в поднятом над головой кулаке монету и завёл невнятный речитатив, держа во второй руке всё тот же справочник и постоянно подглядывая в него.

Прошла минута. Вторая. С реки потянуло холодным ветром. Дождь усилился. Елена не отводила внимательного взгляда от горок в узлах восьмиконечной звезды, но с ними ничего не происходило.

«Неужели ничего не выходит?» — подумала она.

Егоров мрачнел и, кажется, завёл декламацию по третьему кругу.

— Может, всё-таки птицу? — пробормотала бывшая ведьма.

— Не сбивай! — прошипел сквозь зубы обладавший тонким слухом Егоров. — Только стало получаться! — И, переведя дух, вновь отдался своему речитативу.

Ланина сперва не поняла, что именно «получается», однако, приглядевшись, осознала, что зелёная бечёвка заметно дрожит в такт словам молодого кудесника.

— И правда получается!

— За песком следи! — вновь прервался поручик.

— Ой! — Елена бросилась к узлу, под которым почти не осталось чародейского песка, и досыпала кучку до требуемого количества.

Белые бечёвки завибрировали вслед за зелёными, и по двору разлилось приятное басовитое гудение. Монета раскалилась, и поручик стал перекидывать её с ладони на ладонь, выронив на мокрую землю казённый справочник.

Чародейский песок начал быстро испаряться, и Елене пришлось носиться от одного узла к другому, спешно подсыпая и подсыпая стремительно уменьшавшиеся кучки.

Дождь сдуло порывом ледяного ветра.

Запахло электричеством.

Монета увеличилась уже раза в два и запылала изумрудным сиянием. Чародей не мог больше её касаться — бросил на землю и резво отпрыгнул.

Монета чавкнула в раскисшей грязи и оглушительно зашипела.

— Назад! — крикнул поручик замешкавшейся Ланиной.

Елена оглянулась. Прыгнула и, оскользнувшись на мокрой траве, растянулась с громким хлоппаньем.

Яркая вспышка озарила всё вокруг. Протяжно хлопнуло. И всё прекратилось.

Едва проморгавшийся Егоров бросился к лежащей на земле Елене.

— Вот же зараза! — выругалась помощница, отплёвываясь. А увидев протянутую руку, поднялась, ухватившись за неё. — Вся насквозь мокрая! Во что я переоденусь?

— Вот женщины! Всё только о нарядах-то и думаете, — облегчённо засмеялся поручик. — Жива, во вспышке не сгорела, не обожглась, не оглохла...

Пока Елена так и сяк пыталась согнать грязную воду с одежды, поручик бережно поднял монету, над которой дрожала призрачная изумрудная стрелка.

— Лишь бы зубоскалить, — ворчала молодая женщина, — а я, между прочим, ради первого дня на службе: новое платье, новый солоп... — всхлипнула она. — Всё же теперь испорчено. Хоть выкидывай.

— Ну это-то как раз не горе и не беда, — сказал Егоров и указательным пальцем закрутил в воздухе спираль, в результате чего влага с одежды помощницы развеялась мелкой водяной пылью, а грязь опала.

— Красуешься? — ехидно ухмыльнулась Елена.

— Не без этого, — кивнул Егоров, с удовлетворением осматривая результат.

— А то, что с Антоном Владимировичем из-за перерасхода силы духа случилось, тебя не впечатлило?

— Да ладно, ладно! Понял я... — проворчал поручик. — Тебе, кстати, форма положена. Вернёмся — получи у интенданта.

— Форма? — неприятно удивилась Ланина. — Вот ещё новости!

— На службе положено. Завтра будь добра.

— Слушаюсь, Ваше Благородие, — кисло ответила Елена и наконец поинтересовалась: — У нас же всё получилось?

— Смотри! — Егоров, картинно подбоченясь, продемонстрировал на открытой ладони монету с указующей стрелкой, которая ровно сияла изумрудным светом.

— Ого!

— Сам не ожидал. Видишь, какая чёткая?

— Кажется, будто реальная! — Ланина пару раз провела пальцем сквозь стрелку, надеясь ощутить потусторонний объект. — А куда она показывает?

— Куда-то на север. Что вполне логично — шаманы должны были уехать именно в том направлении.

— Значит, торговца сушёными кузнечиками можно исключить?

— Только если они не возьмёт его с собой. Пошли под крышу. А то ветер больно неприятный.

— Пойдём, — согласилась Ланина, подёрнув плечами, и улыбнулась: — Дай я монету понесу?

* * *

— Погоди, — удивилась Елена, оказавшись в натопленной передней управления. — Север же там?

— Да, там.

— А почему стрелка показывает вон туда?

— Не знаю. — Поручик почесал затылок, с удивлением глядя на воплощение поисковых чар.

— Может, сломалась?

— Тогда бы она просто развеялась... — Дмитрий Иванович никак не мог взять в толк, в чём дело. — Ну-ка, сделай пару шагов в ту сторону?

— Повернулась!

— А теперь туда шагни? — Поручик указал в противоположном направлении.

— Опять повернулась! Вон туда показывает, куда бы я ни пошла!

— Хм... Выходит... — Егоров ринулся в сторону своего кабинета, а именно туда всё время указывали поисковые чары.

Дверь в приёмную была приоткрыта. Дмитрий Иванович стремительно вошёл и увидел, что в дальнем углу съёжилась изящная, до боли знакомая фигурка.

— Сиу Лин? — выглянула из-за спины поручика Елена.

— Как есть, она, — сбросил шинель Егоров и ринулся к ученице шамана. — Здравствуйте, барышня! А мы-то Вас разыскиваем!

Сиу Лин подняла тусклый взгляд на Дмитрия Ивановича, и тот понял, что она едва в сознании от холода и усталости.

— Да тебя же колотит! — Елена ринулась со своим только что сброшенным с плеч солопом и стала укутывать дрожащую девушку.

— Останься с ней, мне нужно доложить Вилежу! — засуетился Егоров. — Сиу, где твой учитель?

— Он... — Из глаз шаманки брызнули слёзы.

— Ты потерялась? — опешил жандарм.

— Нет... — едва слышно прошептала девушка и уткнулась в подставленное плечо Елены.

— Ну тихо, тихо, — зашептала кудесница, чувствуя всё учащающиеся всхлипы. — Иди докладывай своему полковнику! Всё равно сейчас ничего не добьёшься. И за Ниной Вячеславовной пошли, пусть скорее приезжает. Скажи, что тут дела совсем плохи!

— И кто у кого помощник, — проворчал под нос Егоров, выходя из приёмной.

* * *

— Что это вы, молодые люди, во дворе за раскардаш какой-то устроили? — Поручик только и успел выйти в коридор да послать нарочного за Ниной Вячеславовной, как путь ему заступил начальник отделения контрразведки Пóнизов. — Грохочете, сверкаете, газон вон весь в грязь втоптали.

— С добрым утром, господин подполковник! — козырнул Егоров старшему по званию. — Виноват! Выполнял поручение господина исправника!

— Антон Владимирович к чарам как-то поделикатнее относился! — продолжил ворчать начальник второго отделения.

— Буду стараться, господин подполковник!

— Ну ты, поручик, «служажу»-то из себя не так яро стой! — ухмыльнулся кончиками губ Позизов. — Чай, я тебя не первый год знаю.

— Простите, Глеб Романович, — расслабился Егоров.

— А девица с тобой была — твоя новая помощница, та самая Ланина? — зашептал подполковник, едва не облизываясь. — Я-то издаля и не разобрал.

— Та самая!

— Хороша! Губа у тебя — не дура, поручик. Только что это она у тебя на службе, а не в форме?

— Так не выдали ещё.

— Ну это я как раз совсем не удивлён, — скривился Позизов, вспомнив про интенданта, с которым у дипломатичного контрразведчика была давняя, неприкрытая вражда.

— Смотри, как бы ей выговор сразу не вынесли... Владимиру Петровичу на глаза в таком виде лучше не попадаться. Он в вопросе формы большой педант.

— Учту, Глеб Романович, — благодарно улыбнулся Егоров.

- Так что? Не зря хоть шумел?
— Совсем не зря! Может, со мной на доклад?
— Да я и сам хотел послушать. Пойдёмте.

Жандармы дошли до приёмной исправника. Адъютанта Кошкина на месте не оказалось, и Глеб Романович сам постучал хитрым стуком в дверь зимнего сада.

- Заходите! — послышался оттуда громогласный бас Вилежа.

* * *

— Та-а-а-к, — протянул Владимир Петрович, выслушав доклад нового начальника третьего отделения. — Больше подробностей выяснить не удалось?

— Никак нет, Ваше Высокоблагородие, — подтвердил Егоров, — ученица шамана в полубоморочном состоянии пребывает. Может быть, позже получится, когда целительница приведёт её в чувства.

- Целительница... За ней уже послали?

— Так точно!

— Вот и хорошо. Ступайте, поручик! — Полковник откинулся в кресле и, закрыв глаза, глубоко задумался.

Егоров развернулся и покинул кабинет, бесшумно прикрыв за собой дверь.

— Что думаешь, Глеб Романович? — пророкотал Вилеж через пару минут раздумий.

— Думаю, не сто́ит, — отозвался приютившийся в уголке Понизов, скорее всего размышлявший о том же.

- Всё же подождать?

— Начальству полдела не показывают, не мне тебя учить, — закивал начальник второго отделения.

— Верно, верно: дураку и начальству не показывают... — согласился исправник, но задумчиво продолжил: — А ну как перетянем? Случись что, тут же воспоследует: «Почему не доложили?»

— А доложим, сам же понимаешь — пойдут срочные указания, — вздохнул Понизов. — Из Петербурга, конечно, виднее, как работу делать. Но, может, сперва во всех деталях хорошенько разберёмся? Не продокладаться бы...

- Значит, ждём...

— Ждём.

— Владимир Петрович! Снова срочная из столицы. — В кабинет зашёл Кошкин и положил перед исправником запечатанный конверт.

— Дождались? — покосился на Понизова полковник, надрывая запечатанный край. — Ещё и телеграфировать не успели, а указания-то вот они!

— Видать, наверху не очень здоровая суета начинается, — с интересом пододвинулся к начальнику контрразведчик.

*Полковнику Вилежу Владимиру Петровичу
Московской губернии, Н-ск, уездное жандармское управление.
Строго секретно. Максимально срочно.*

На станции «Обдираловка», Санкт-Петербург—Московской железной дороги найден покойник, по всем параметрам подходящий под описание объекта «шаман». Не обнаружено следов лица, сопровождавшего объект (здесь и далее будет проходить под кодовым наимено-

ванием «дриада»). Утроить бдительность. Сосредоточиться на чародейском поиске объекта «дриада». Обо всех изменениях состояния поиска немедленно докладывать.

*Товарищ министра, генерал-майор Бежецкий
Санкт-Петербург, управление имперской безопасности.*

— А может, и плохо, что не доложили, — засомневался Позизов.

— Теперь-то что, — со вздохом отмахнулся Вилеж и позвал адъютанта: — Кошкин!

— Слушаю, Ваше Высокоблагородие!

— Поди узнай, что там: Нина Вячеславовна не приехала ли? А если уже прибыла, пусть шаманку поскорей в чувство приводит. И Егорова поторопи, чтобы сразу допрашивать начал! А то наверх совершенно нечего доложить.

* * *

— Ах, бедняжка! — только и всплеснула руками чуть запыхавшаяся целительница. — Девочка-то совсем без сил!

Ученица шамана лишь приоткрыла глаза и окинула вошедшую мутноватым взором.

— Я едва смогла уговорить её лечь в кабинете, — скороговоркой зашептала Ланина, — были бы травы, уже заварила бы ей укрепляющего отвару...

— Вот так всегда с этим ведовством... — проворчала в ответ Нина Вячеславовна, — чуть что: «Если бы, да кабы...» А как до дела дойдёт: то трав нет, то настроение не то, то фаза луны подкачала, заходите послезавтра...

— Так я и не ведьма больше... — обиженно шепнула Елена.

— Зачем тогда всё время отвары поминаешь? Лучше бы силой духа её подпитала, — наставительно ответила целительница, проводя сияющими зеленью ладонями у висков Сиу Лин. — Вот так! Сейчас станет лучше! — ласковым голосом проворковала она.

В кабинет на цыпочках прокрался Егоров, устроился в рабочем кресле и стал с интересом наблюдать за действиями Нины Вячеславовны.

— А может, зря я не продолжила учиться на целительницу? — задумчиво проговорила присоединившаяся к нему Ланина.

— Так у тебя и выбора не было, — легко пожал плечами Дмитрий Иванович. — После твоих-то игр с нежитью...

— Смотрю, ты мне теперь всё время будешь припоминать эту мимолётную слабость? — с укоризной пробормотала Елена.

— Ничего себе «мимолётную»! — с долей ревности попенял ей поручик.

— Ну всё, всё, — кисловато скривилась Елена, ещё не решившая, как бы сделать так, чтобы Егоров пореже задумывался на эту тему.

«Не всё-то ты ещё знаешь, милый», — подумала она.

Сиу Лин, до этого лежавшая пластом, завозилась и издала невнятный стон.

— Тихо, девочка! Тихо... — успокаивающе зашептала Нина Вячеславовна. — Сейчас пройдёт. Это энергия слишком быстро восстанавливается, вот и голова кружится. Не бойся!

Вошёл Кошкин. Оглядел открывшуюся картину и деликатно, на полусогнутых пробрался ближе к Егорову.

— Господин полковник интересуются состоянием Вашей подопечной, — проговорил адъютант исправника, передавая поручику очередную депешу из столичного управления. — Когда сможет рассказать хоть что-то для передачи наверх?

— Сами видите, Олег Филиппович, — так же тихо ответил Егоров, пробегая глазами по строкам телеграммы, и пожал плечами, — она не то что говорить, и глаз-то открыть не в состоянии — совсем сомлела.

— Вижу, вижу, — вздохнул Кошкин. — Как будет что доложить, сразу... Слышите? Сразу к Владимиру Петровичу! Очень ждут-с! — отчеканил и направился к выходу из кабинета.

— Вы уж постарайтесь поскорей! — настойчиво шепнул он Нине Вячеславовне, проходя мимо неё, но та лишь отмахнулась.

— Какой-то он... вкрадчивый больно, — тихо поделилась с поручиком Елена, лишь только за Кошкиным закрылась дверь. — Глазками нет-нет, а и зыркнет. Да так сально...

— Ой, да ну. Милейший же человек, в самом деле, — склонился к уху Ланиной Егоров. — И умнейший к тому же.

— Одно другому не мешает. Не нравится он мне.

— Привыкай, вы с ним в какой-то степени коллеги, и по служебной надобности будете довольно тесно общаться.

— Н-да... Тесного-то общения с ним мне ещё и не хватало, — чуть-чуть сморщила точёный носик Елена. — Помяни моё слово, этот умнейший человек ещё доставит нам проблем. Что он принёс?

— Очередную депешу из столичного жандармского управления, — отмахнулся Дмитрий Иванович. — Торопят. Сама вот прочти. — И уже набрал воздуха, чтобы ещё что-то добавить, но замер, увидев, что Нина Вячеславовна облегчённо выдохнула и отпрянула от своей пациентки.

— Спасибо! — Сиу Лин открыла глаза. — Мне уже намного лучше! — звонко сообщила она целительнице.

— Ну слава Богу! — воскликнула заметно побледневшая Рыжкова. — Я боялась, что придётся перевозить тебя в лечебницу.

— Я сильная! — гордо пискнула ученица шамана. — Мне всего лишь надо было перевести дух.

— Ты ещё ребёнок, — скептически фыркнула Нина. — Не знаю, каким чудом ты сама добралась сюда. Судя по твоему состоянию, ты давно должна была впасть в летаргию от истощения!

— Не впадала же! — заупрямилась Сиу Лин, но голова её вдруг опустилась на подушку, а по лицу вновь разлилась бледность.

— Видимо, всёжги придётся тебя в лечебницу забирать, — схватила запястье девушки целительница и стала сосредоточенно отсчитывать биения сердца.

— Нет, нет — это просто небольшое головокружение, — голос помощницы шамана вновь окреп, — всё хорошо!

— Здравствуйте! — подошёл ближе Егоров. — Узнаёте меня?

— Вы же ученик ротмистра Рыжкова? — слегка улыбнулась Сиу Лин.

— Адъютант, — поправил поручик. — Помощник. Замещаю должность начальника третьего отделения, до момента, пока Антон Владимирович не найдётся.

— Да, точно, — закивала Сиу и тут же нахмурилась. — Он что, пропал?

— Увы... — вздохнул Дмитрий Иванович и обернулся к Рыжковой. — Мы же можем поговорить? Опрос не повредит вашей пациентке?

— Думаю, не повредит. Если только не долго, — ответила целительница, чуть подумав. — Как ты, девочка? Сможешь сосредоточиться?

— Да, конечно! Я уже хорошо себя чувствую!

— Сходи к полковнику, — обернулся к Ланиной поручик. — Скажи, что наша подопечная пришла в себя и я начинаю опрос.

— Но я тоже хочу узнать, что случилось! — с едва различимой капризной ноткой заявила Елена.

— Кто тут у нас помощница начальника? — с заметной строгостью произнёс Егоров, но смягчился: — Успеешь, я пока начну бумаги оформлять. Ступай уже!

— Так точно, господин начальник! — фыркнула Елена, всем тоном показав своё отношение к эдакой строгости.

— Ох, смотрите, господин поручик! — заметила Нина Вячеславовна, едва Ланина скрылась за дверью. — Уж больно ловко она у Вас на шее-то устроилась.

— Вижу, что устроилась. Да что с нею сделаешь? — вздохнул поручик. — Первый день — не ругать же сразу?

— А отчего же и не ругать? Ей оно полезно будет.

— А ну как обидится?

— Пусть лучше обижается, — фыркнула целительница. — Это сейчас тут сослуживцев нет, а ну как при них станет такие коленица отбрасывать? Вам свой командный авторитет сразу надо ставить, иначе кончится служба. И её, и Ваша.

— А меня Фанг Хэ мочёными розгами порол, когда дерзила, — вмешалась Сиу Лин. — Обидно, конечно, зато действенно.

— Эдакую выпорешь, — покраснел Егоров.

— Кого пороть собрались? — хихикнула вернувшаяся Ланина.

— Так тебя, — ответил поручик отстранённо.

— Как это? — растерялась Елена.

— Так положено же, — продолжил тем же серьёзным тоном Егоров. — По понедельникам денщиков и нижних чинов порют. По вторникам — адъютантов и помощников.

— А как же у меня Антон среды не любил, — сочувствующе поддержала поручика Нина Вячеславовна. — По средам начальников отделений всегда пороли. Для порядку.

— Вы смеётесь? — Глаза Елены сделались круглыми, словно блюдца.

— Нисколько. Ты же присягу давала? Вспомни, как там было: «И обязуюсь стойко сносить тяготы и лишения наказаний телесных, совершаемых надо мною раз в седмицу острастки для и во наущение...» — начал на ходу выдумывать поручик.

— Точно-точно, — кивала Нина Вячеславовна. — Бывало, придёт мой Антон Владимирович в среду, встанет у стола... Да так и стоит. Сесть не может, кричит.

Первым не выдержал Егоров, залившись хохотом. Рыжкова присоединилась к нему, и в поддержку обоим зазвенел девичий смех Сиу Лин.

— Ах Вы! — задохнулась от возмущения Ланина. — Шутить? Надо мною?.. — Покраснела, да и сама занялась звонким смехом.

«Припомню. Ох и припомню», — думала она то ли в шутку, то ли всерьёз.

— Так что? Сказала исправнику, что Сиу Лин готова рассказать свою историю? — отсмеявшись, спросил Егоров.

— Владимир Петрович с Понизовым о чём-то совещались, — промакивая слёзы, доложила помощница. — Сказала твоему Кошкину...

— Думаешь, про порку такое уж преувеличение было?

— Да, да! Так точно! Поняла, исправлюсь, Ваше Благородие, господин начальник третьего отделения! — отчеканила Ланина. — Доложила господину адъютанту Их Высокоблагородия полковника Вилежа!

— Всё равно паясничает, — выдохнул поручик. — Поговорим о субординации позже! — Отмахнувшись, он повернулся к Сиу Лин и перешёл на официальный тон: — Давайте начнём опрос. Расскажите, что произошло после того, как мы посадили вас с учителем в экспресс?

ИСТОРИЯ СИУ ЛИН

* * *

12 сентября 1901

Н-ск — Москва

Сиу Лин сидела у окна вагона третьего класса и с какой-то непонятной даже ей самой отчуждённостью смотрела на хмурые ряды жандармов в тёмно-синих шинелях, оцепивших готовый к отправлению поезд. Сквозь пыльное, закопчённое в углах стекло не было слышно, о чём именно говорит худошавый старик в барашковой шапке с небольшим белым султаном и подполковничьих погонах. Однако по указательному пальцу старика, в такт речи тычущему в грудь растерянного директора театра «Паяччо», и сердитому лицу говорящего было ясно, что синьор Труффаторо слышит отнюдь не приятную напутственную речь с пожеланием денежных гастролей. По его лицу и позе было видно, что он с трудом сдерживается от того, чтобы не ответить какой-нибудь дерзостью на слова жандарма.

— Подумать только! — с картинным раздражением воскликнул ввалившийся в вагон антрепренёр. В раздражении была видна изрядная доля привычного, годами натренированного позёрства. — Нет, вы только подумайте! Обозвать мой прекрасный театр «кафе-шантаном»! «Цирком»! «Шапито»! Немыслимо! Возмутительно!

Зашипев отпущенными тормозами и заскрипев обшивкой, поезд тронулся с неприятным толчком и стал быстро ускоряться, будто бы спеша покинуть ставший негостеприимным Н-ск. А чуть было не свалившийся от неожиданного ускорения Чезаре взглядом нашёл шамана Фанг Хэ, сидящего с закрытыми глазами на краешке жёсткой лавки, и пристроился напротив него, скрестив руки на груди и не снимая чуть сдвинувшегося на затылок цилиндра.

— Нет, Вы слышали? — обратился он к Сиу Лин. — Вы слышали, в каком тоне говорил со мной этот мелкий жандармский чинуша? «Чтобы духу Вашего не было на моей земле!»; «Попадись мне ещё на глаза этот цирк, и я...»

Ученица шамана лишь испуганно помотала головой и отвела взгляд в сторону окна, за которым как раз проплывал отцепленный на запасные пути вагон экспресса, всё ещё искажённый серыми потусторонними завихрениями.

— И ведь что меня больше всего выводит из себя? Запихнуть всех, как скот, в один вагон! — Чезаре картинно провёл рукой в воздухе, указывая на притихших клоунов, ссутулившихся акробатов и съёжившихся танцовщиц.

Труппа жалась по лавкам и дружно отводила взгляды от пылавшего негодованием директора театра. По углам вагона и в проходах были в беспорядке свалены баулы с реквизитом. У одного, самого объёмного, порвались завязки, и на грязный пол неаккуратной кучей вывалились яркие сценические костюмы, нарядный смокинг самого антрепренёра и пара лайковых перчаток, по которым кто-то, очевидно не заметив, прошёлся ребристой подошвой грязных ботинок.

— Как считаете, уважаемый Фанг Хэ, — перевёл дух чуть успокоившийся синьор Труффаторо, — быть может, нам от греха не соваться пока в столицу? Податься, к примеру, в Варшаву или в Гельсингфорс?[18]¹Подальше от «голубых мундиров?»[19]²

¹ Хельсинки.

² Иносказательное название жандармов.

Фанг Хэ, казалось, не слушал рассуждений директора театра. Поза его так и оставалась расслабленной, глаза — закрытыми. Он лишь слегка клевал головой в такт всё ускоряющемуся покачиванию вагона. Ученицу шамана тоже не трогали жалобы Чезаре — кажется, она копировала неподвижность своего учителя, и лишь движения глаз выдавали, что девушка не медитирует подобно шаману, а безо всякого интереса смотрит на проплывающие за окном пейзажи.

— А что? — продолжил свой монолог директор труппы, не обращая внимания на то, что его не слушают. — Конечно, столица в денежном отношении — город куда как более щедрый. Я не стал бы обещать, что мы с Вашими номерами мгновенно разбогатеет на берегах Невы, но готов поручиться, что с петербургской публики можно было бы получить и вдвое... — Антрепренёр мечтательно заиграл пальцами в воздухе, будто перебирая монеты. — Нет! Втрое от того, что уже заработали! — Лицо директора театра «Паяччо» озарилось сладкой улыбкой. — Однако сами понимаете... — печально вздохнул он. — То, что жандармы по какому-то счастливому недоразумению выпихнули нас из Н-ска, а не закрыли во хладных подвалах, — это же просто чудо! Не иначе как чудо! Так что давайте немного поостережёмся, — перешёл на вкрадчивый полусёпот Труффаторо. — Не будем мозолить глаза жандармам. Тихо, пока всё не уляжется, потрясём звонкую монету с провинциальных обывателей: Киев, Одесса, Ковно[20]¹, Ревель?[21]²

— Мы с Сиу Лин едем до Москвы, мой дорогой друг, — очнулся от медитации Фанг Хэ, — после чего, как это ни печально, но наши пути разойдутся.

— Вы хотите меня добить! — сник синьор Труффаторо. — Определённо, Вы хотите нас разорить! Пустить по миру труппу, а меня свести в могилу!

— Мне кажется, Вы самую малость преувеличиваете, — чуть укоризненным тоном возразил шаман.

— Это кто преувеличивает? Это я преувеличиваю? — стал распалтаться Чезаре. — Да я ещё преуменьшаю! Вот посмотрите — Серж. — Антрепренёр патетичным жестом указал на ссутулившегося у прохода старого клоуна с помятым лицом. — Серж? Ты слышишь, что я о тебе говорю?

— Слышу... — сипло выдохнул Серж.

— Сержу нужно поднимать на ноги пятерых детей и заботиться о больной жене...

— Так он же пропойца! — возмущённо пискнула оторвавшаяся от окна Сиу Лин.

— Как это мешает мне кормить пятерых крысёнышей и доходягу жёнушку? — с возмущением проскрипел клоун.

— Ты ж её до болезни и довёл, — поддержала ассистентку фокусника одна из гимнасточек, но вторая больно ткнула её острым локотком в бок и та, мельком посмотрев на Чезаре, вперившего в неё грозный взгляд, фыркнула и возмущённо отвернулась.

— Идите вы все, — икнув, отмахнулся Серж и с видом уязвлённого самолюбия завозился на жёсткой лавке, ворча под нос: — Будут меня тут ещё жизни учить... Пигалицы безмозглые!

— Согласен, пример так себе, — вздохнул антрепренёр, — но вот: близняшки Зина и Галина. — Чезаре указал на шёпотом переругивающихся давешних гимнасточек. — Они очень хотят есть! Или танцовщицы: Жоржетта, Мюзетта, Иветта... — Девушки оживились и звонко захихикали. — Думаете, им не нужна пара звонких монет? Да что далеко ходить? Вот! Канатоходец Андрэ...

— Я Андрей, — буркнул высокий и тощий как жердь канатоходец.

— Андрей, Андрей, — успокаивающе закивал Чезаре и продолжил наставительным тоном: — Мы же с тобой уже говорили, что у каждого артиста, который хочет стать знаменитостью, должен быть броский и кричащий сценический псевдоним?

¹ Теперь Каунас.

² Нынче — Таллин.

— Что кричащего в имени «Андрэ»? — ещё сильнее скуксился канатоходец. — Такой, прости господи, псевдоним подходит скорей какому-то гарсону из придорожного трактира с претензией: «Эй, Андрэ! Шустовского моим гостям, да поскорее!».

— Давай позже об этом переговорим?

— Ну позже так позже... — равнодушно согласился Андрей и по привычке вжал голову в плечи, пытаясь казаться пониже.

— Канатоходцу... Андрею тоже очень нужны деньги! — продолжил «презентацию» антрепренёр. — Ну и, конечно же, факир! — Чезаре поискал взглядом сморщенного, как сушёный финик, старика заклинателя змей, заслуженного йога, умеющего лежать на раскалённых углях, и умелого дудочника. — Наш факир хоть и опростоволосился сегодня, однако для поддержания в форме его драгоценных ядовитых змеек тоже требуется золотишко! Знаете, сколько денег каждый месяц уходит на покупку откормленных мышей? Не так ли, Раджив?

— Всё так, мудрейший господин директор! — виновато поддакнул факир из самого дальнего угла вагона. — Чрезвычайно много уходит!

— Но на самом деле все эти деньги — не так важны! Я же что хочу этим сказать? — Чезаре перевёл взгляд на шамана, принял очень патетичную позу и развёл руками, как бы пытаясь обнять весь вагон. — Вам никак нельзя нас оставить, — провозгласил он, едва не пустив слезу, — потому что все мы — одна большая театральная семья!

— Пф-ф-ф, — подавился Серж.

— Ой! Папочка, папочка! — оживились танцовщицы, ещё активней захихикав. — Пока-тай меня на ручках! — проворковала одна, кажется Флоретта.

— Видал я такую семью... — просипел Серж.

— Ага! — согласно вздохнул Андрей.

А заклинатель змей просто молча отвернулся, невнятно пробормотав что-то профессиональное, вроде бы о теплоте серпентария.

— Мы все — большая семья, — не обращая внимания на ропот, повторил нараспев Чезаре, сделав бровки домиком и соорудив максимально жалостливое лицо. — А семью в трудные времена — не бросают! — Сказал и вытянул руки в жесте отчаянья.

— Мы с Сиу Лин едем до Москвы, а дальше наши пути расходятся, — ровным тоном повторил Фанг Хэ и закрыл глаза, вновь погрузившись в медитацию.

А ученица шамана отвернулась от несчастного, мгновенно осунувшегося Чезаре и продолжила с прежней отчуждённостью смотреть сквозь однообразные осенние пейзажи, степенно проплывавшие мимо окна вагона.

* * *

— Саратовский вокзал! Конечная! — надрывался полноватый кондуктор в замызганной форме, протискиваясь боком между рядов сидений и привычно цепляясь за поручни в те моменты, когда вагон нещадно трясло и качало на многочисленных стрелках. — Господа пассажиры! Не забываем свои вещи! Поезд дальше не идёт, просьба освободить вагоны!

Всё замедляясь и замедляясь, состав втянулся меж двух узких перронов, уже заполненных разношёрстной публикой. Локомотив со скрипом и лязгом остановился, шумно выпустил пары и дал три коротких свистка. Захлопали двери вагонов, послышались крики кондукторов, перрон объял приглушённый шелест шагов, и началась привычная пассажирская круговерть.

Притихшая труппа блистательного театра «Паяччо», нагрузившись мешками и баулами с реквизитом, покинула вагон вслед за своим снулым и недовольным антрепренёром.

— Может, передумаете? — буркнул Чезаре, всю дорогу старавшийся свысока смотреть на игнорировавшего его упрямого шамана.

— Увы, но настало время расставания, — как ни в чём не бывало улыбнулся Фанг Хэ.

Легко кивнув актёрам, с которыми путешествовал сквозь всю Империю, он развернулся и засеменял утиной походкой, скрывшись в толпе.

— Больно вы нам нужны были, — едко плюнул вслед синьор Труффаторо и, резко переменявшись в настроении, задорно скомандовал: — Коллектив! За мной! В гостиницу!

— Прощайте! — тихо шмыгнула Сиу Лин.

Она осторожно помахала ладошкой гимнасточкам, с которыми сдружилась несмотря на вздорный характер близняшек, и, напевая простецкий мотивчик, поспешила за учителем, даже не сгибаясь под объёмной сумкой с вещами.

— Ты ведь тоже уловила этот запах от синьора Труффаторо? — Фанг Хэ увеличил скорость, как только почувствовал, что Сиу Лин идёт рядом.

— Какой запах, учитель? — Ассистентка на миг задумалась, прислушиваясь к ощущениям, инаконец поняла: — Аромат прелой травы?

— Угу, — закивал шаман.

— Выходит это... стелламин?

— Определённо!

— Получается, некроманту помог именно он... — Глаза Сиу Лин распахнулись в удивлении. — Наш синьор Чезаре...

— Именно! — Шаман ещё больше увеличил темп, хотя уже успел запыхаться. — Нам надо скорей покинуть Москву!

— И он знает, что мы следуем в столицу... — продолжила рассуждать шаманочка.

Они спешно проталкивались через разнонаправленно снующую толпу: где-то работая локтями, наступая на ноги, получая ответные тычки и окрики: «Да ну аккуратней же!» — «Узкоглазина желтопузая!» — «Гляди, куды прёшь!». Выбравшись из здания вокзала на просторную площадь, упёрлись в хвост длиннющей очереди, осаждающей стоянку извозчичьих пролёток. Фанг Хэ посмотрел на насупленных обывателей, так и ждущих с недобрыми лицами — вдруг кто из впереди стоящих устанет и передумает ехать? — отмахнулся коротенькой ручкой и юркнул в кривые лабиринты торговых лавок, заполнявших привокзальную площадь.

Сиу Лин, старавшаяся не отставать от учителя, ощутила, как её кольнуло неприятное воспоминание. Насторожившись, она начала было выискивать опасных субъектов среди встречаемых, но, когда подозрительными стали казаться вообще все, отстранилась и сосредоточилась на своей песенке, помогавшей ей нести тяжёлый груз дорожных вещей. А спокойно выдохнула, лишь когда Фанг Хэ, руководствуясь какими-то подспудными ощущениями, безошибочно вывел их к остановке конки.

«Долго же я теперь буду опасаться торжищ», — подумала ассистентка шамана.

Лязгая колёсами по изъезженным рельсам, влекомый парой худосочных кляч, подошёл отчаянно скрипящий вагончик конки.

— Зацепа! — хрипло выкрикнул кондуктор с закутанной шарфом шеей.

— Уважаемый, смогу ли я с тобой добраться до вокзала, от которого отходят столичные экспрессы? — спросил кондуктора Фанг Хэ, запрыгнув на подножку.

— Пятак[22]¹ до Сыромятников[23]², а потом ещё алтынник[24]³ до Каланчёвки[25]⁴, — провозгласил кондуктор, громко откашлялся и выпростал пятерню, требуя оплатить проезд. — Девочка с тобой?

¹ Пять копеек.

² Район Курского вокзала.

³ Три копейки.

⁴ Ныне Комсомольская площадь.

Шаман кивнул и стал пробираться к свободной скамье, предоставив Сиу Лин отсчитывать мелочь.

Тряслись долго. Сначала тяжёлая конка въехала на высокий чугунный мост через реку, взобралась на крутой холм и тут же на тормозах спустилась с этого холма. Потом переехала узкую речушку, пахнущую в открытый салон удушливой вонью так, что кривившиеся пассажиры невольно позакрывали носы, и вновь медленно вскарабкалась на следующий холм.

— Курско-Нижегородский! — закричал кондуктор и скривился, увидев протискивающегося мимо прилично одетого мелкого чиновника средних лет. — Опять Вы? — прошипел он сквозь зубы.

— Опять я, — нахально улыбнулся чиновник и пожал плечами.

— До Красных Ворот?

— Да-да, до Красных Ворот. — Ухмылка чиновника стала чутьточку шире.

— Три копейки!

— Сию минуточку-с! — полез во внутренний карман пассажир и жестом фокусника достал красненькую купюру[26]¹, демонстративно помахав ею перед носом кондуктора. — Сдачи, конечно же, не будет? — Ухмылка чиновника стала откровенно глумливой.

Кондуктор помолчал. Почесал в затылке.

— Вы же, милейший, уже месяц за так катаетесь?

— Никак не меньше, — согласился хитрец.

— И вагон не покинете?

— Да с чего бы вдруг? — наигранно возмутился пассажир. — Деньги — вот они. А то, что Вы сдачу сдать не в состоянии, это разве моя вина?

— Ну почему же не в состоянии? — с не менее наигранным равнодушием ответил кондуктор, потянулся к рундуку, скрытому под лавкой, и достал оттуда увесистый кожаный мешок. — Аккурат девяносто девять рублей и девяноста семь копеек. Разномастной мелочью, правда. Но как в аптеке. Извольте сосчитать?

— Как? — опешил чиновник и стал судорожно прятать сотенную обратно в карман.

— Вы отказываетесь платить? — строго спросил кондуктор.

— А вдруг... вдруг там не хватает? — Ухмылка покинула лицо незадачливого мошенника.

— Пересчитывайте! — Кондуктор строго звякнул мешком и навис над чиновником, сделал полшага в его сторону.

— Вы не имеете права!

— Имею! — стоял на своём кондуктор. — Оплачивайте проезд или выметайтесь!

— Я буду жаловаться!

— Ваше право. Вот сдача. Берите или выходите!

— Позвольте!

— Не позволю!

— Но, простите!

— Не прощу! — Кондуктор начал угрожающе надвигаться на тщедушного чиновника, и тот, шипя сквозь зубы невнятные ругательства, выпрыгнул из салона.

Конка тронулась.

— Чтоб вам пусто было! — зло крикнул чиновник вслед скрипящему вагону, сорвал с головы фуражку и стал яростно втаптывать её в придорожную пыль, под злорадный гогот пассажиров.

¹ Сто рублей.

Ещё раз лязгнув на изгибе рельс, конка скрылась за поворотом, а чиновник уселся на корточки, закрыл лицо ладонями и тихо-тихо, едва слышно, завыл: «И что же мне теперь, совсем не есть, что ли?»

Фанг Хэ устал смотреть на проплывающие мимо пыльные особнячки и не заметил, как его глаза закрылись.

Конка проскрипела мимо стен старого Запáсного дворца[27]¹; нырнула под давно обветшалую и частью обсыпавшуюся арку парадных Красных ворот, свернула на узкую улочку и остановилась на мощённой брусчаткой широченной площади.

— Каланчёвская! — гаркнул кондуктор на ухо прикорнувшему шаману.

Сиу Лин схватила вещи, выпрыгнула наружу и помогла осоловелому учителю спуститься с высокой подножки. Форейтор стеганул кляч, конка тронулась и стала медленно удаляться в сторону Сокольников.

Парадная громада Николаевского вокзала нависала над площадью. Фанг Хэ двинулся было к высоким створкам центральных ворот, но отпрянул от охраняющего вход громадного жандарма в суконном шлеме с начищенным медным гербом, гаркнувшего:

— Куда прёшь? Да ещё и с дриадой! В третий класс через боковую калитку! — Унтер резким взмахом руки указал направление и тут же потерял интерес к шаману и его спутнице.

Фанг Хэ недовольно крикнул. Оглядел себя, отметив, что за время дороги его одежды запылились, помялись и имеют вид довольно неопрятный и жалкий. Кроме того, мягкие расшитые туфли подыстрепались и покрыты липкой дорожной грязью. Шаман вздохнул и смиренно поплёлся в указанном направлении. Сиу Лин сперва раздражённо зыркнула на жандарма, но сразу поняла, что злобный взгляд не произвёл на служивого впечатления.

«А в провинции-то жандармы поприятнее», — подумала она и двинула вслед за учителем.

* * *

— Тебя ничего не настораживает, девочка? — впервые за несколько часов заговорил Фанг Хэ.

Всё это время они сидели на истёртой скамье в переполненном зале ожидания третьего класса и ждали начала продажи билетов на ночной столичный экспресс.

Сиу Лин завертела головой в поисках того, на что пытался обратить её внимание наставник. Не обнаружив ничего опасного в окружающей разномастной толпе, девушка даже попыталась прилечь, но сразу же пожалела об этом, вдохнув застоявшуюся смесь ароматов дешёвой еды, пота, махорки и перегара.

— Не понимаю, о чём Вы, учитель! — сдалась она. — Опять стелламин?

— Нет, нет, — с досадой помотал головой шаман. — Погрузись в транс. Только очень аккуратно.

Девушка послушно закрыла глаза, завозилась, устраиваясь поудобнее, и замурлыкала тягучий мотивчик.

— Тише! — шепнул Фанг Хэ, легко коснувшись худенькой руки подопечной. — Пой внутри. Мысленно! Ни в коем случае не выпускай мелодию из себя.

Сиу Лин послушалась и стала молча раскачиваться, следуя внутреннему ритму.

— Не двигайся... Замри... Вся песня должна оставаться только в мыслях, — вновь поправил учитель. — Вот так, да, правильно!.. погоди! Чуть-чуть сбавь темп. Плавнее. Вот! Продолжай.

¹ В настоящее время до неузнаваемости переделанное здание времён царствования Елизаветы Петровны занимает РЖД.

После пары минут без движения, когда ученица шамана уже готова была сдаться, не понимая, чего именно хочет наставник, темнота перед её внутренним взором свернулась в яркую точку и сразу развернулась объёмной панорамой всего, что было вокруг неё.

Всё выглядело непривычно и предельно странно. Окружающие предстали в виде мыльных пузырей, внутри которых циркулировали аморфные клубы прозрачного дыма. «Пузыри» сидели, двигались, беззвучно общались друг с другом. Одна «пузыриха» покачивала на руках крошечного «пузырёнка», дым внутри которого носился с ошеломляющей скоростью, постоянно меняя направление. Неживые предметы вовсе не оставляли отпечатка в этой новой для неё реальности.

— Что это? — едва двигая губами, прошептала Сиу Лин и тут же едва не вывалилась из этого состояния.

— Молчи. Не суетись... — Фанг Хэ мягко и умело возвратил ученицу в транс. — Это тонкая изнанка нашего мира. А силуэты — отражения живых людей.

— Как... — вновь не смогла удержаться от вопроса девушка.

— Не говори словами, — мысленным посылом прервал подопечную шаман. — На изнанке можно общаться мысленно.

Сиу Лин одним лишь усилием воли сместила фокус на учителя и нисколько не удивилась, что его силуэт, в отличие от силуэтов простецов, выглядит изящным, гибким драконом, наполненным золотистым сиянием. Дракон свился в несколько колец и спокойно покачивался в том же ритме, что звучал в её голове.

— Почему мы не могли просто погрузиться в мир шаманов? — Мысленная речь далась девушке очень тяжело. Каждое слово, бывшее, впрочем, не словом, а смыслом, приходилось с невероятным трудом вытаскивать из разума.

— Из мира шаманов не видно, что делается в реальности, — пропел речитативом дракон с завидной лёгкостью. — Не насилуй сознание речью, пой!

— Ух ты, и правда легко! — с полумысли поняла наставника девушка. — Куда смотреть?

— Туда, туда и вон туда, — кончиком хвоста указал дракон.

Сиу Лин посмотрела в те направления. Где-то не слишком далеко (скорей не в зале ожидания, а за стеной), неподвижно висели два «пузыря», заполненные, в отличие от остальных абрисов, голубоватым, едва светящимся дымом. В другом месте — ещё два силуэта, на этот раз с серым содержимым. Девушка подняла взгляд к потолку, в последнем направлении из тех, что указал дракон, и различила с десятков «пузырей», дым внутри которых сиял изумрудным светом.

— Кто это? — «пропела» она, указывая на синие и серые «пузыри».

— Загонщики...

— И кого они загоняют? — задрожала девушка, сразу понявшая кого.

— Нас... — зашипел дракон. — Те двое — маги, — кончик хвоста указал в направлении синих силуэтов. — Серые «пузыри» — явно колдуны, это их цвет.

— Получается, если дым внутри светится, значит это одарённый, а цвет означает, к какой традиции он относится! — поняла Сиу Лин. — Зелёные, выходит, чародеи?

— Всё верно. Зелёные — это кудесники. Скорее всего, прямо над нами кабинет третьего отделения железнодорожной жандармерии.

— Они тоже на нас охотятся? — Девушка сморщила лоб, не понимая.

— Скорее всего, они даже не знают, что мы тут, — пожал плечами шаман.

— А «серые» и «синие» знают?

— Чезаре мог поднять «своих», — стал перечислять Фанг Хэ. — Опять-таки, Красновский не зря куролесил в Н-ском телеграфе... В любом случае наша миссия должна оставаться в тайне что от магов, что от колдунов.

— Может, нам попросить защиты у кудесников третьего отделения? — Сиу Лин кивнула наверх.

— Думаю, что не зря столичное управление безопасности с самого начала не стало поручать железнодорожным жандармам вести нас до столицы... — помотал головой дракон. — Видимо, для этого у Бежецкого была причина.

— Да и тот жандарм на входе... — поняла девушка, — не зря он мне показался странным.

— Тот нижний чин служит в первом отделении, — отмахнулся шаман. — Он никак с нами не связан: мы же проходим по третьему.

— Я так и не разобралась в этом делении, — пожала плечами Сиу Лин.

— Унтер на входе в вокзал приглядывает за неблагонадёжными подданными русского императора... — Фанг Хэ вдруг замолк и застыл на несколько мгновений.

— Что? — начала крутить головой девушка, пытаясь увидеть, что насторожило учителя.

— Смотри туда... — Хвост дракона резко развернулся в сторону входа.

Сиу Лин повернулась в указанном направлении и оторопела. Вдали шевелилась волна из десятков светящихся синих и серых точек. Они выныривали откуда-то, сперва двигаясь в одиночестве, затем собирались по двое, по трое. А дальше небольшие группки уже сливались в ручейки и всех их объединяло одно — получившиеся потоки двигались в сторону Николаевского вокзала.

— Силуэты отражений кажутся точками из-за того, что они ещё далеко? — догадалась ученица шамана.

— Далеко, но они приближаются, — закивал Фанг Хэ. — Надо бежать.

— Всё же укроемся в третьем отделении? — надтреснутым от испуга голосом пропела Сиу Лин. — Кудесники не дадут нас в обиду.

— Обрати внимание, сколько одарённых европейских традиций движутся сюда. — Голос шамана, напротив, стал размеренным и спокойным. Он будто читал подопечной страницу учебника. — Они сомнут и нас, и пяток не готовых к такому наскоку жандармов.

— Что же делать? — Девушку выбросило с изнанки в реальный мир, от чего она покачнулась и чуть было не упала, потеряв координацию. — Может, нам скрыться в мире духов?

— Не выйдет, — развёл руками шаман. — Стоит только нам с тобой начать ритуальные песню и танец, сюда сбегутся все те одарённые. — Фанг Хэ указал в сторону, где за стенами зала ожидания скрывалась засада магов и колдунов. — У нас не будет требуемых трёх — пяти минут, чтобы наши тела полностью потеряли материальность. Нас просто-напросто сожгут или заморозят.

— И даже те, что сейчас отдыхают наверху? — Лицо подопечной шамана растянулось в озорной улыбке.

— Молодец девочка! Вот что значит коварный женский ум! — Фанг Хэ, не мешкая ни секунды, расчехлил флейту, скомандовал: — Подхватывай! — И стал стучать потрёпанным носком туфли по разноцветным плиткам пола. — Раз! Два! Три! И, два, три! Два, три!

Сиу Лин на мгновение обратилась в слух и, поймав хитрый ритм, кивнула. Расплылась в широчайшей сценической улыбке и запела на никому кроме неё не известном языке.

Высокий и мощный голос девушки заполнил зал ожидания, отразился от высоких сводов и потоком выплеснулся на толпу пассажиров и провожающих.

Те замерли на миг и тут же, хохоча, забились в бешеной дикарской пляске. Натужная, болезненная радость толпы выплеснулась во все стороны, заражая даже тех, кто поначалу не присоединился к безумной круговерти: из-за отсутствия ли слуха, оттого ли, что пытался противостоять напавшей на него стихии закрывая уши, а может ещё по какой причине. Яростный пламень танца обуял всех.

Из-за высоких ворот, ведущих к перрону, высунулись две фигуры, окутанные призрачно-серой рябью колдовских щитов. Один — высокий щуплый усач в котелке — что-то

яростно шептал второму, тот же — рыжеватый толстячок в клетчатом кепи — рыскал пристальным и недовольным взглядом по залу ожидания.

— Вон они! — Толстяк вскинул руку в сторону ставших почти прозрачными шаманов.

— Скорей! Не дайте им уйти в межмирье! — выкрикнул второй, и оба с необыкновенной скоростью ринулись сквозь беснующуюся толпу в сторону шаманов, уже почти завершивших ритуал ухода в мир духов.

«Ну же! Ну! — думала Сиу Лин, не прекращая петь. — Да где же вы, миленькие?!»

Из-за других дверей показались льдистые щиты магов. Два ошарашенных француза замешкались, но увидели своих лютеранских коллег и, заметив направление их движения, устремились в сторону шаманов.

— Прекратить! — подобно выстрелу из пушки громыхнул по залу многократно усиленный чарами приказ командира третьего отделения. — Немедленно прекратить безобразия! — Мерный грохот кованых сапог жандармов соревновался по громкости с песней ученицы шамана.

Фанг Хэ поднял уже почти прозрачную руку, и Сиу Лин замолчала. Потёртая флейта старика издала ещё пару трелей, и учитель с ученицей истаяли в воздухе.

Плясавшие пассажиры остановились и сразу же попадали в изнеможении. Со всех сторон слышались стоны страдающих от перенапряжения оглохших людей.

Остались стоять лишь маги и колдуны. Лютый азарт помешал «охотникам» сориентироваться. Они не поняли, что перед лицом жандармов стояло бы сбросить выдававшие их с головой щиты. Неудачники стояли, и в их широко раскрытых глазах отражались изумрудные огоньки атакующих чар, державшихся на кончиках пальцев десятка готовых к бою жандармов.

* * *

В самом тёмном углу, под строительными лесами, оплетавшими вот уже несколько лет перестраиваемое сказочное здание Ярославского вокзала, соткались из ничего две нереальные золотистые тени. Одна из них ещё несколько секунд держала форму дракона, но быстро оплыла, обрела плотность, и сторонний наблюдатель, оказавшись он здесь в это неурочное ночное время, увидел бы толстого старика, опустившегося на корточки и тяжело выдохнувшего. Вторая тень, схожая с покрытой множеством листьев веточкой, вспыхнула жёлтым пламенем и сразу же погасла, став худенькой чуть нескладной девочкой-подростком с длинными ушами, торчащими из-под лохматого шарика густой неприхотливой причёски. На счастье шаманов, а это были именно они, под стенами вокзала не оказалось стороннего наблюдателя. Зато чуть в стороне, у забора, стояла извозчичья пролётка, в которую была запряжена пара крепких ломовиков.

— Свободен? — спросил Фанг Хэ, запрыгивая на приступку.

— Куда угодно вашей милости? — сонным голосом ответил прикорнувший на козлах мужичок.

— Там видно будет, — махнул рукой шаман, устраиваясь на мягком сиденье.

Сиу Лин юркнула в повозку вслед за учителем, возчик хлестанул вожжами по бокам своих коняг, и пролётка стала резво набирать скорость в сторону Красного Села, покидая освещённую Каланчёвскую площадь и скрываясь в густой тьме осенней ночи.

— Во дела творятся! — перекрестился извозчик, косясь на удаляющееся здание Николаевского вокзала, ажурные окна которого озарялись множеством зелёных, перемежающихся с синими и серыми всполохов. Тревожные рокот, гул и шипение беснующихся чар, заклинаний и проклятий то и дело доносились до поскрипывающей на ухабах пролётки. — Н-но! Н-н-но, милыя! Пш-ш-шли резвей! От греха подальше!

— Так что, господа? — наконец обернулся он к пассажирам, когда Каланчёвская площадь окончательно скрылась за поворотом. — Решили, куда вам надоть?

— А Вы бы, уважаемый, куда посоветовали? — очнулся от оцепенения Фанг Хэ. — Нам бы как можно скорее попасть в Петербург, а на столичном вокзале сами видите, что делается...

— Хм, — запустил пятерню в бороду возчик и аккуратно придержал коней, заставив их идти медленным шагом. — Как можно скорей, говорите? А много ли у вас средств?

— Не особо... — поспешно пискнула Сиу Лин. С каждой минутой она всё больше и больше опасалась грязных заборов и покосившихся стен, которые то и дело выхватывал из темноты тусклый луч фонаря, горящего на передке пролётки. — Откровенно мало, если честно.

— Тогда держабель не годится, — вздохнул мужичок. — А было б хорошо. По зорьке погрузились бы, часов пять — и уже в столице. Эх!

— А поезда только с Николаевского ходят?

— Прямые — да, — протянул извозчик и, ещё что-то прикинув, выдал: — Через пару часов с Бутырского^[28]¹ отправляется обыкновенный почтово-пассажирский. На ём до конечной — деревня Савёлово аккурат на берегу. Там сесть на пароход — и вверх по Волге до Твери. Ну а там уже дожидаться столичного экспресса. Вот так вот можно.

— Давай до Бутырского! Нам годится.

— Но времени потеряете! Как бы не трое дён, — предупредил мужичок. — Может, сподручней дожидаться, пока всё на Николаевском стихнет?

— «Неважно, как медленно ты идёшь, главное — не останавливаться», — процитировал Фанг Хэ своего любимого Конфуция и отмахнулся: — Гони к почтово-пассажирскому!

— Хочу на пароходе по Волге! — с напускной восторженностью подтвердила Сиу Лин.

— Хозяин — барин. Наше дело — предупредить, — согласился возчик и вновь понукнул скакунов вожжами.

Ехали молча. Коляска валко тряслась по грязному бездорожью окраин, то сворачивая в кривые переулки, заросшие неопрятной порослью кустов, то вырываясь на простор покрытых бурьяном полей и огородов, за которыми темнела едва подсвеченная месяцем громада Сокольникового леса^[29]¹

— Долго ль ещё? — вздохнула Сиу Лин, не понимавшая уже ни в какую сторону они едут, и в городе ли находятся.

— Да версты две, — охотно ответил возница. — Сейчас мы в Мещанской части. Отсюда рукой подать до Ярославской дороги; за ней новенький Виндавский вокзал^[30]¹, во-о-он, видишь громадины? — Извозчик показал в темноту, где на фоне ночного неба высились две высокие башни. — Как раз к станции относятся. Водо-на-пор-ны-е, — по складам произнёс он. — Ишь, какие пузатые, — добавил с такой гордостью, будто сам их строил.

— Ага! Большие! — невольно восхитилась Сиу Лин, наконец разглядевшая едва видимые впотьмах башни.

— А там уж мимо Марьиной роши, вдоль ограды чумного кладбища^[31]¹, вот до Бутырского вокзала и доберёмся.

— Чумного? — удивилась ученица шамана.

— Не боись, ма́лая, — ухмыльнулся мужичок. — Уже лет эдак и побольше ста тому назад большой мор был. Народу на Москве покосило — видимо-невидимо. Вот и приказал тогдашний губернатор вокруг всей Первопрестольной чумные ямы рыть да в них всех, кто помер, закапывать вперемешку с известью. Чтоб мор дальше не пошёл.

¹ Теперь — Савёловский вокзал.

¹ Парк «Сокольники».

¹ Нынче — Рижский.

¹ Миусское кладбище.

— Плохое место, — съёжилась Сиу Лин, и так не находящая себе места от тревоги.

Пролётка пересекла пустой по ночному времени Ярославский тракт, проскрипела мимо пряничного Виндавского вокзала, повернула у тёмных двухэтажных барачных домов и выехала на просторную мощёную улицу, вдоль которой выстроился ряд обшарпанных одноэтажных домов с бедными лавками.

— Не к добру это, — стеганул возница лошадей, услышав невдалеке нахальный свист.

— Кто это?

— А мало ли. Озоровят...

Коляска громко и тряско понеслась по неровной брусчатке.

Свист раздался ближе и с другой стороны.

— Ну, держись! — Встал на козлах извозчик, достал из голенища длинный кнут и со свистом начал стегать лошадей: — Пошли! Н-н-но! Пшли!

Кони ринулись в галоп.

Пролётку стало нещадно кидать из стороны в сторону.

Замелькали убогие домишки.

Свист уже доносился с обеих сторон.

Коляска сильнее и сильнее разгонялась. Вдруг извозчик резко осадил скакунов, изо всех сил натянув вожжи.

Поперёк дороги валялось длинное суковатое бревно.

— Тпр-ру! Стой! Стой! Убьёмся!

Кони встали на дыбы перед самым бревном, и шаманы чуть не вылетели со своих мест.

— Куды гонишь! — послышался из темноты грубый голос, и кто-то схватил коренного под уздцы.

— Ночью за проезд взимается плата! — Второй голос, слышавшийся сзади, был гнусав и глумлив.

— Ребятунки, постойте, ну что вы! — жалостливо заканючил извозчик.

— Выходи из повозки, сымай добро! — пригрозил первый.

— А ну, быстрее, кому говорят? — сорвался на хриплый крик второй.

— Простецы? — равнодушно осведомилась у учителя Сиу Лин.

— Хм, — только и кивнул Фанг Хэ, отвернувшись от опасности.

— Братцы, братцы, да что ж вы? — продолжил скулить мужичонка.

— А ты, дядя, зачем в нашу часть заехал? — Глумливый наконец выступил из темноты, оказавшись нескладным вихрастым подростком в драном армяке и потёртых лаптях. — А теперь будешь знать! — ухватился он за борт пролётки.

Шаманочка брезгливо отодвинулась от грабителя и тихо замычала какую-то песенку.

Внезапно свистнул длинный кнут, а поперёк лица незадачливого грабителя протянулся багровый след.

— Ах ты пёсий сын! Ах вы паразиты! — до неузнаваемости преобразился мужичонка, расправил плечи и пошёл умело стегать по грабителям кнутом вдоль и поперёк. — Фёдора! Ночного возчика останавливать вздумали?! Щенки! Оглоеды! Мерзавцы!

— Дяденька, дяденька! — Грубоголосьый крупный малец отпустил коней, упал и стал закрывать лицо от сыпавшегося на него града ударов. — Пощади!

— Живо убирай бревно, оборванец! А то я шас же с облучка-то слезу!

Из темноты порскнули шустрые тени и ловко утащили импровизированную преграду.

— Н-н-но, пошли, родные! — крикнул Фёдор, и кони послушно бросились вперёд, оставляя позади растерянных мальчишек.

— У-у-у-у! Задам я тебе, дядька, — грозил вслед кулаком гнусавый, размазывая грязные слёзы по саднящему следу от кнута, — попадись мне только ещё раз!

Меж тем Фёдор гнал скакунов. Полы его армяка распахнулись и трепетали на ветру, кнут щёлкал в воздухе, раскрасневшееся лицо дышало радостью и свободой.

— Э-ге-ге-ге-гей, залётные! — орал он, забыв о том, как сдавливают сердце равнодушные оковы городских стен. — Гони! Гони! — Глаза его горели, тронутый проседью вихор играл во встречном потоке, усы топорщились и, казалось, вот-вот начнут искриться. — Резвее, милые! Резвей! — Вот уже и не возчиком был он, видел себя молодым, свободным станичником. Не брусчатка была под копытами коней его — сухой ковыль родной степи шумел да гнулся на ветру. Не чужие седоки были в коляске у него, а кум с молодой невестою. И не на вокзал летела стрелой пролётка, а к высокому берегу вольного Дона!

Слёзы крупными градинами лились по щекам казака, но тот не замечал их, а только веселей крутил кнутом над головой, да крепче сжимал в кулаке вожжи.

— Молодец, девочка! — с хитрой искрой в глазах прошептал Фанг Хэ ученице, продолжавшей тихо напевать вдохновляющий мотивчик, ввергший возницу в это восторженное состояние.

Пролётка вылетела на площадь перед строящимся одноэтажным Бутырским вокзалом. Заложила круг у самых ворот. Распалённые кони взоржали и как по команде взвились на дыбы.

— Пр-р-риехали, господа хорошие! — с лихой улыбкой во всё лицо гаркнул Фёдор. — С вас полтина![32]¹

— Ох и много! — Сиу Лин вздохнула и подрагивающими пальчиками отсчитала пять гривенников[33]¹, невольно любуясь горящими глазами казака.

* * *

13 сентября 1901

Обдираловка

— Кончай нить, папаша! — дохнул свежим перегаром свесившийся с верхней полки краснолицый мастеровой, злобно уставившись на медитировавшего Фанг Хэ. — Твой дед вообще по-русски понимает? — Не дождавшись реакции, он перевёл взгляд на Сиу Лин, сжавшуюся в комочек у окна.

Внеклассный спальный вагон ночного почтово-пассажирского поезда сильно раскачивался, скрипел плохо подогнанными переборками и лязгал на каждом стыке. Из щелястых окон сквозило промозглой стылостью, отчего одетая не по сезону девушка никак не могла унять охватившую её мелкую дрожь. Ученица шамана подняла на соседа равнодушный взгляд.

— Извините, — прошептала она синими от холода губами, — учитель запасает силы.

— А ну вас! — сплюнул на пол мастеровой. — Послал Бог попутчиков! То ноют, то мычат. Никакого сна! — проворчал он и, повозившись, скинул девочке свой местами потёртый и пропахший табаком флотский бушлат. Молча отвернулся, попытался закутаться в плотную рубаху и через три секунды как ни в чём не бывало вновь захрапел.

Сиу Лин закуталась в чужую, ещё тёплую одежду и, шмыгнув носом, провалилась в чуткую полудрёму.

Поезд начал сбавлять ход. За окном мелькнул одинокий фонарь. Протяжно загудел паровозный тифон[34]¹. Вагон натужно задрожал, заскрипел колодками и с чувствительным рывком встал, заставив Сиу Лин вцепиться в полку.

¹ Пятьдесят копеек.

¹ Десятикопеечная монета.

¹ Пневматическое звуковое устройство высокой мощности для подачи сигналов в условиях плохой видимости.

— Обдираловка! — закричал кондуктор из своего закутка. — Стоянка полчаса! Кто хочет, может разжиться в вокзале кипятком!

— Да что же такое! — вновь заворочался на своей полке мастеровой. — Ни поехать, ни поспать! Одно название «пассажирский»: кланяется каждому полустанку, да ещё и мычат, кричат! — Отвернулся и опять залиvisto захрапел.

Фанг Хэ неожиданно раскрыл глаза.

— Они близко... — прошептал он.

— Кто? — промяукала пригревшаяся Сиу Лин, пытаясь выбраться из сковавшего разум сна.

— Надо уходить! Скорей! — Шаман встал, принялся и переваливаясь зашагал по узкому проходу между жёстких полок.

Девушка сбросила спасительный бушлат и поспешила вслед за учителем.

— Хоть бы спасибо сказала, — проворчал мастеровой и потянулся на нижнюю полку за своим добром.

— Спасибо, — тихо пискнула подопечная шамана и скрылась в тамбуре.

— Тс-с-с, — зашипел на ученицу шаман, когда та с размаху захлопнула за собой тяжёлую дверь.

В противоположном конце глухо лязгнула дверь, и вагон едва заметно качнулся. По коридору забухали уверенные шаги.

— С дороги! — с одышкой засипел незнакомый голос.

— Да что за дела-то? Ни поспать, ни покурить, — послышалось в ответ знакомое ворчанье, прерванное глухим ударом. — Кха! — Судя по всему, хмельной мастеровой получил под дых.

Уверенные шаги возобновились.

Всё это время Фанг Хэ пытался аккуратно повернуть заевшую ручку двери, ведущей на перрон. Ручка не поддавалась.

— Да что ж это делается, братцы! — взревел перехвативший глоток воздуха мастеровой. — Наших бьют!

Прижавшаяся к двери Сиу Лин услышала сонный ропот и глухие удары обуви об пол: с полок посыпались люди.

— Ты чего, морячок, за брюхо держишься?! — раздался развязный голос. — Этот, что ль, тебя?

— Слушай ты, клетчатый, — второй голос звучал как из бочки, был низок и груб, — катись-ка ты отседава подобру-поздорову!

Из-за двери вдруг послышался шипящий треск. В глазах у Сиу Лин посерело, а воздух вокруг наполнился вязким замогильным холодом.

— Колдуны! — в ужасе прошептала она.

Пассажиры в вагоне ахнули, раздался звук падающих тел.

— Сдавайся, шаман! — послышался спокойный молодой голос с характерным для англичан акцентом.

— Мы знаем, что ты там! — Второй, столь же спокойный, был скрипучим. По-русски он говорил очень чисто и даже слишком правильно.

Фанг Хэ, уже не пытаясь прятаться, стал отчаянно дёргать ручку, и та поддалась.

— Беги! — Старик вытолкнул ученицу, и та рухнула на низкий дощатый перрон, больно ударившись коленкой. Рядом с ней звякнула плоская металлическая коробочка, покрытая тонкой вязью резьбы. — Ты знаешь, что с ней делать! Беги же! Прячься!

— Но я не знаю!.. — растерялась шаманочка.

Дверь вагона с силой захлопнулась. Сиу Лин осталась одна.

По соседнему пути, скрытому за стоящим почтово-пассажирским, тяжело загрохотал гружённый товарный состав. Глухая дрожь массивных вагонов, стон прогибающихся он неимоверной тяжести рельс, чавканье шпал, вытесняющих из-под себя струйки застоявшейся воды: всё это делало неслышимым рёв стихий, бесновавшихся в тамбуре вагона.

За стеклом металась тень воплощённого в реальности золотого дракона. Сквозь щели то и дело пробивались лучи ярко-жёлтого света. Вслед за ними видны были всполохи неестественной серой хмари, от которых аватар шамана поскуливал, словно они прокусывали его тело. Дракон плевался ослепительно-жёлтым пламенем и, огрызаясь, щёлкал бритвенно-острыми белоснежными клыками. Две серые сгорбленные тени никак не могли зайти в тамбур, который охранял переродившийся Фанг Хэ.

Товарняк наконец проследовал станцию, и грохот гружёных вагонов начал постепенно удаляться.

Сиу Лин в силу роста никак не могла дотянуться до ручки и начала отчаянно колотить слабыми ладошками по закрытой металлической двери вагона.

Ослепительно вспыхнула серая молния, и мир вокруг потерял все оттенки.

Ночь превратилась в стылые сумерки.

Золотой свет потускнел. Послышался шлепок, и по стеклу сползла голова дракона.

Испуганная, давящаяся слезами подопечная только что погибшего шамана схватила коробочку и нырнула под вагон, затаившись на рельсах у самой сцепки.

— Elementary, Sherson![35]¹— проскрипел уже знакомый голос.

— Not that simple, Mr. Watlock![36]¹— Молодой всё ещё не мог отдышаться. — He had a girl with him. Where'd she go?[37]²

— She's not going anywhere. Make sure the lot are still breathing and clean this mess up. As if we didn't have enough trouble with the third squad already[38]¹.

Сиу Лин едва могла разобрать беглую речь англичан, но знаний, впитанных в беспризорном сингапурском детстве, хватило на то, чтобы понять — говорят о ней. Морщась от резкого запаха креозота и стараясь не потревожить ни былинки, девушка перекатилась на ту сторону рельс по смешанному с углём песку, которым были засыпаны шпалы, и вздрогнула, ощутив под рукой ледяную гранитную плиту.

— Bloody Russians can't do anything right![39]¹— ругался скрипучий голос, скорее всего бывший главным в паре колдунов. — How the hell do you open this damn door?[40]²

Наконец устав, колдун бросил трясоти несчастную ручку и легонько пнул дверь. Он очень удивился, что та неожиданно открылась.

Сиу Лин ничего не оставалось делать, как вжаться в зачем-то врытую между путями гранитную плиту, замереть и закрыть глаза. Бежать было поздно.

— How the hell, with their natural laxity, have these barbarians still not knelt to us? Not a bloody thing works proper round here[41]¹, — проворчал главный, спрыгивая на перрон. — Sherson, lantern![42]²

¹ Элементарно, Шерсон! (англ.)

¹ Не так уж и легко, мистер Уотлок! (англ.)

² С ним была девка, где она? (англ.)

¹ Никуда она не денется. Убедись, что все простецы живы, и подчисти здесь всё. Не хватало нам проблем с третьим отделением (англ.).

¹ Чёртовы русские ничего не могут хорошо сделать! (англ.)

² Как открыть эту проклятую дверь? (англ.)

¹ Я удивляюсь, как при такой природной расхлябанности эти варвары всё ещё не склонились перед нами! У них же ни черта не работает как следует (англ.).

² Шерсон, подайте фонарь! (англ.)

— Here you go, Mr. Watlock![43]¹— Шерсон передал командиру фонарь.

Девушка почувствовала лютый холод и какое-то обволакивающее её движение. Она осторожно приоткрыла глаза, стараясь не выдать себя отражённым блеском, и чуть не вскрикнула, увидев, что вокруг клубится серое сияющее облако.

— Look, Sherson, — stray spirit hanging about here[44]¹, — прохрипел шарящий лучом света под вагоном Уотлок, оказавшийся невысоким толстяком возрастом много старше среднего.

— Dispel it?[45]¹— деловито предложил молодой колдун.

— Don't waste the stellamine. We've burned through enough sacred metal chasing these damn shamans already[46]¹, — проворчал мистер Уотлок, распрямляясь. — Must've been drawn by all the curses flying round here — it'll fade on its own[47]².

— Uh-oh! We've got a problem![48]¹— протянул вдруг Шерсон. — The bloke in the peacoat you hooked — he's dead![49]²

— Toss him over here! Bloody hell![50]¹— разогнулся Уотлок, потерявший интерес к приبلудному духу. — Maybe they won't notice him missing straight away. By then we'll be long gone[51]².

Раздался свисток паровоза. Машинист продул цилиндры, выпустив в обе стороны клубы пара, и поезд с рывком тронулся.

— Chuck the shaman's corpse too![52]¹— крикнул мистер Уотлок, с лёгкостью закидывая на плечо труп несчастного мастерового. — Smells like a brewery! How the hell was he even standing![53]²

Усатый Шерсон с телом шамана Фанг Хэ на плече выпрыгнул из набирающего ход вагона и спотыкаясь побежал по перрону, рискуя растянуться под тяжестью поверженного врага.

— Shovel's in the car — let's bury these bodies![54]¹— поторопил мистер Уотлок молодого помощника.

— What about the girl?[55]¹

— Don't worry — near dawn. We'll track her down quick enough![56]¹

Сиу Лин не жива и не мертва лежала на ледяной плите.

— Спасибо, — чуть слышно выдохнула она, когда колдуны скрылись со своей ужасной ношей.

Воспаривший над плитой дух принял форму полной женщины, одетой по моде двадцатилетней давности и держащей в руках маленький красный мешочек. Высокий капор, отороченный настоящими кружевами, кивнул, и осиротевшей ученице шамана послышалось, как зашелестели пышные кринолины.

¹ Держите, мистер Уотлок! (англ.)

¹ Смотрите, мистер Шерсон, тут приبلудный дух вьётся! (англ.)

¹ Развеять его? (англ.)

¹ Не трать стелламин, мы и так сожгли слишком много священного металла, чтобы выследить этих чёртовых шаманов (англ.).

² Духа, по всей видимости, привлекли бушевавшие здесь проклятья. Сам развеется со временем (англ.).

¹ Ой! У нас проблемы! (англ.)

² Этот в бушлате, который согнулся от Вашего хука, — помер! (англ.)

¹ Кидай его сюда! Проклятье! (англ.)

² Может, его сразу и не хватятся, а потом мы будем уже далеко (англ.).

¹ Труп шамана тоже бросай! (англ.)

² Как же от него несёт выпивкой! Странно, что он стоял на ногах! (англ.)

¹ В машине есть лопата, надо прикопать трупы! (англ.)

¹ А как же девка? (англ.)

¹ Ничего, скоро рассвет, мы её быстро найдём. (англ.)

Дух развеялся.

Сиу Лин осторожно привстала, пытаясь разглядеть, не возвращаются ли убийцы. Провела рукой по плите и прочла лишь короткое «Анна К...» — дальше было не разобрать, буквы стёрло время.

— Спасибо! — ещё раз прошептала Сиу Лин и бросилась в сторону крошечного деревянного вокзала, на котором строгими буквами было выведено: «Обдираловка».

* * *

— Откройте! — Девушка осторожно постучала костяшками пальцев по стеклу, за которым едва теплился огонёк дежурной лампы. — Пожалуйста, откройте!

Нет ответа.

Стекло в раме чуть слышно задребезжало от того, что Сиу Лин постучала сильней.

— Кого там носит ни свет ни заря? — послышался надтреснутый голос, и над невысокой шторкой, закрывавшей самый низ окна, показалось сморщенное лицо ночного дежурного по станции. Старичок подслеповато сощурился, попытался так и сяк посмотреть, не скрывается ли ещё кто вне поля его зрения, и, убедившись, что с дрожащей девчонкой вроде бы никого нет, проворчал: — Сейчас открою. К дверям проходи.

— Ты точно одна? — раздалось из-за едва открытой двери. — Если что, у меня и ружо есть!

— Одна, господин смотритель!

— Чего тут делаешь ночью?

— От поезда отстала, — хныкнула Сиу Лин.

— Ишь раззява... — хмыкнул дед, но тут же насторожился: — Погоди. А на что ж ты ночью из вагона одна-то вылезла?

«Да что же он такой дотошный!» — в отчаянии подумала шаманка.

— Свою станцию проспала. Вернуться бы мне, — соврала она.

— Точно раззява, — смилостивился смотритель и открыл дверь ровно настолько, чтобы худенькая девушка едва-едва могла протиснуться в спасительное помещение.

Сиу Лин осторожно юркнула в щель и, стараясь не хлопнуть, притворила за собой створку, для надёжности придавив её спиной.

— Чего заполошная такая? — Старик оценивающе осмотрел подрагивающую гостью.

— Там двое каких-то крутятся, — пожаловалась шаманочка.

— Какие ещё двоя? — тут же засуетился дежурный и накиннул на створки тяжёлый засов.

— Иностранцы. На английском говорят...

— Что в нашей глухомани иностранцам делать? — удивился смотритель, поправляя ворот форменного кителя.

— Не знаю... — всхлипнула Сиу Лин. — Они в вагоне нашумели, а как поезд тронулся, что-то вон в ту сторону потащили.

— Ох, батюшки! — запричитал старик и сел на лавку. — Ох, господи! Я-то тут одинёшенек. Ну как сюда ломиться будут?

— Давайте, может, лампу погасим? — предложила Сиу Лин.

— Да зачем же ещё и в темноте-то сидеть?

— А чтоб те подумали, будто тут никого...

— Тоже верно. — Старик встал и шаркая направился в кабинет дежурного, где потушил светильник и, судя по тонкому скрипу половиц, пошёл куда-то в противоположную от входа сторону.

Сиу Лин осталась одна в гулком зале ожидания. Снаружи не доносилось ни звука. Мелкая дрожь стала покидать девушку, и она постепенно начала расслабляться, чувствуя лишь наполнявшее её опустошение и непривычную тупую боль слева под рёбрами.

— Вот принесла нелёгкая! — Дежурный по станции с глухим ворчанием лязгнул какой-то дверцей. — Посреди ночи, ходю, ходю... — Раздалось характерное клацанье затвора. — Вот теперь порядок... Вот пуцай кто сунется.

Дед зашаркал обратно. Привычно запер за собой кабинет, с первой попытки попав ключом в замочную скважину, с кряхтением сел на соседнюю с Сиу Лин скамью, положил на колени ружьё и стал прислушиваться к темноте.

— Тебя как звать-то? — после недолгого молчания поинтересовался смотритель.

— Сиу Лин.

— А я Прокопий Кузьмич. Коллежский регистратор^[57] ¹Выдрин, стало быть. — И вздохнул, отмахнувшись. — Дед Прокоп, в общем. А ты?.. Как говоришь? Не расслышал. Сиволина? А звать-то как?

— Да нет же, Си-у Лин, — по складам проговорила шаманочка. — Это имя и фамилия.

— Не русская, что ль?

— Из Китая.

— Далёко ж тебя занесло! — протянул дед. — А по-нашему складно говоришь.

— Много путешествовала... с учителем... — вновь всхлипнула девушка.

— Эвона как. А где ж твой учитель?

Сиу Лин лишь насупилась и неопределённо махнула куда-то в сторону.

— На предыдущей станции остался? — понял смотритель.

— В Москве, — со вздохом покачала головой она.

— Ох! Нечто сбежала?

— Да нет, он меня с заданием на Долгопрудную послал, — выкрутилась девушка, с трудом вспомнив название одного из полустанков, что выкрикивал кондуктор по ходу движения поезда. — А я проспала... И задачу провалила, и теперь не знаю, как обратно попасть...

— Ой и горазда же ты дрыхнуть! — удивился дед. — Долгопрудная — это же в Московском генерал-губернаторстве, а ты ажно до Кашинской губернии доспалась.

— И что же мне делать? — совсем пала духом шаманочка.

— Утром пойдёт рабочий поезд, — немного подумав, выдал дежурный по станции. — Посажу тебя на него. С учителем-то договорилась, где он тебя ждать будет?

— Он на постоялом дворе недалеко от Бутырского вокзала остановился.

— А на билет-то денег тебе хватит?

— Кошелёк с вещами в вагоне забыла, — продолжила выдумывать шаманочка.

— Вот как есть — раззява, — покачал головой дед Прокоп. — Волос длинный, ум короткий! Ладно! С билетом сейчас чтой-нибудь сообразим, — махнул он рукой.

Дежурный по станции поставил ружьё у стены. Кряхтя встал и прошёл к узкой тяжёлой дверце. Погромел чем-то в помещении, оказавшемся кассой, и вернулся, держа небольшой прямоугольник плотного картона с типографским оттиском: «Обдираловка — Москва» и выбитой круглыми отверстиями сегодняшней датой.

— Спасибо, дедушка Прокоп!

— Смотри и этот не потеряй!

— Ни за что, — пообещала Сиу Лин, засовывая подаренный билет в карман. — А те личности? — с дрожью в голосе напомнила о колдунах девушка.

— Так мы темноту-то тут переждём, — слегка вжал в голову в плечи смотритель. — Твой поезд-то уже посветлу пойдёт. А с рассветом сюда и люди подтянутся.

¹ Чиновник XIV-го (низшего) класса Табели о рангах.

В зале ожидания повисла тревожная тишина. Сиу Лин вернулась к переживаниям и стала вновь прокручивать в голове произошедшее. Где-то в углу под лавкой шебуршали домовики, а может ещё какая мелкая нечисть. Смотритель о чём-то думал, чуть слышно перебирая пальцами по деревянному прикладу.

— И какие из себя те двоя-то? — прервал он гнетущее молчание.

— Один — длинный, рыжий, с большими усами, в чёрном котелке и куцем дорожном сюртуке, — начала вспоминать Сиу Лин, пытаясь справиться с задрожавшими губами. — Другой — полный, в клетчатом костюме, в кепке и с очень злыми рыбьими глазами, — шмыгнула носом шаманочка и почувствовала, как по щекам течёт неожиданный поток слёз.

— Чего это там блестит-то? — пригляделся дежурный по станции к едва видимому в темноте лицу собеседницы. — Эка-а-а! Ты, малая, чего? Ревёшь, что ль?

— Боюсь я их, дедушка, — всхлипнула Сиу Лин, размазывая неудержимый поток по лицу. — Очень боюсь!

— Тоже мне, бусурман испугалась! — показно расхрабрился смотритель и сбил на затылок красную железнодорожную фуражку. — Пусть только сунутся, я их дробью-то сполна угощу! Ну, ну! Будет воду-то лить.

В воздухе внезапно затревожело, и Сиу Лин вскинулась, прислушиваясь к ощущениям.

— Что такое? — Дежурный по станции закрутил головой. — Сквозняк откуда-то пошёл? И зябко что-то стало.

Девушка приложила палец к губам и показала в сторону входа.

Смотритель, вцепившись покрепче в спасительное оружие, прокрался и встал сбоку от окна. Осторожно, чтобы не привлечь внимания, выглянул и, не сдержавшись, охнул.

Сиу Лин поднялась с лавки. На цыпочках подошла и встала у противоположного от деда края окна. Прижавшись к простенку, выглянула наружу.

* * *

— Что за тварь? — испуганно прошептал дед Прокоп, крестясь. — Господи помилуй! Какая образина!

— Колдуны воплощают какую-то некромантскую дрянь... — слабым голосом ответила девушка — её рот наполнился вязкой тягучей слюной, и она едва сдерживала рвотные позывы.

— Мало того, что англичане, так ещё и колдуны? — Глаза смотрителя вылезли из орбит то ли от удивления, а может и от страха.

Тем временем снаружи подходил к концу с виду неприятный ритуал. Два иностранных гостя стояли посреди низкого дощатого перрона вытянув руки над головами, коротко раскачивались и что-то шептали. С кончиков пальцев лютеранских колдунов срывались тускло сверкавшие потоки серых энергетических плетей, от одного взгляда на которые по спине пробегал холодок омерзения. В фокусе плетей, ровно промеж некромантов, прямо на глазах обретало плотность странное, если не сказать страшное существо. Ещё полупрозрачная скрюченная человекоподобная фигура покачивалась на длинных и тонких узловатых ногах. Непропорционально маленькая головка с огромным, утыканным множеством клыков жабьим ртом и длинным хоботком носа крепилась к тщедушному сгорбленному тельцу посредством тонкой горбатой шеи. Особую же пакостность созданию придавали передние конечности (при всём желании назвать руками это было бы очень сложно) — длинные отростки, согнутые в локтях, вывернутых в обратную сторону, заканчивались метёлками длинных кривых когтей, на которые и опиралось порождение некромантов.

— Надо срочно телеграфировать жандармам в третье отделение! — зашептал дед Прокоп.

— А они быстро придут? — с надеждой вскинулась Сиу Лин.

— Пока депешу получают. Пока чухаться^[58]¹начнут. Пока из города доедут... — начал размышлять вслух дежурный по станции и махнул рукой: — В полдень, не раньше.

— К полудню, думаю, и спасать будет некого, — расстроилась девушка.

— Смотри, смотри! — втянул голову в плечи дед Прокоп.

Уже полностью материализовавшаяся тварь подняла морду к тёмному небу и визгливо звывала. Колдуны опустили руки. Энергетические плети развеялись.

— Вон тот толстенький — мистер Уотлок, он в этой парочке главный, — прошептала Сиу Лин. — А этот усатый — Шерсон, его помощник.

— Ты откуда знаешь? — удивился дед Прокоп.

— Подслушала.

— Ты и английкий знаешь?

Девушка только кивнула и вернулась к наблюдению за тварью. Та как раз пыталась наброситься на Уотлока, но он, не выказав и доли испуга, выставил правую руку ладонью вперёд. С ладони сорвалось серое проклятье, потусторонней кляксой повисшее над головой твари. Шерсон повторил жест шефа, и к первой кляксе присоединилась ещё одна. Тварь сгорбилась, отпрянула от Уотлока, глубоко вздохнула и смиренно протянула передние конечности.

Мистер Уотлок, подбоченясь и выпятив объёмное пузо, на несколько секунд замер, оценивая получившееся произведение и явно гордясь своим искусством. Тварь замерла в позе подчинения. Налюбовавшись, колдун что-то скомандовал ей, и она стала водить хоботком в воздухе. Посмотрела в сторону памятной плиты «Анне К.». Подошла на полусогнутых. Несколько секунд щупала камень, потом припала к нему и лизнула плиту отвратительным бледным языком. Вскочила. Сделала шаг в сторону вокзала. Остановилась и стала в недоумении крутить головой.

— Ты чего это запела-то? — испуганно спросил дед.

Сиу Лин лишь отмахнулась, бросив на него сердитый взгляд и продолжая тихо выводить плачущую мелодию.

— Совсем девка от страху с глазда съехала, — вздохнул зритель.

Тем не менее песенка действовала. Некромантское порождение водило хоботком то в одну, то в другую сторону и никак не могло понять, где же находится объект, который приказано выследить.

— А ты, я смотрю, тоже не пальцем делана? — удивился зритель, когда тварь развернулась и, опираясь на передние конечности, очень быстро засемила по рельсам в сторону Москвы. — Ведьма, что ль?

— Шаманка, — призналась Сиу Лин.

— Ну дела... — опёрся дед Прокоп на ружьё, и оно внезапно выстрелило.

Сиу Лин замолчала, на высокой ноте прервав отвлекающую тварь песню, и ошарашенно уставилась на перепуганного деда. Тот смотрел на неё, и его глаза походили размером на два пятака.

Нервно икнув, незадачливый стрелок медленно перевёл взгляд вверх.

Свежеокрашенные деревянные рейки потолка были во многих местах некрасиво разворочены зарядом дроби. Из отверстий сыпался шлак и опилки, которыми был утеплён чердак. В зале ожидания клубился едкий пороховой дым.

— Ох! — Бросившая взгляд в окно шаманочка не смогла удержать испуганного возгласа.

Англичане, бросившиеся уже было за призванным существом, теперь стояли и о чём-то переговаривались, бросая взгляды в сторону, откуда прозвучал выстрел. Мистер Уотлок оглянулся на растерявшуюся тварь, вновь активно нюхавшую воздух. Снял клетчатый кепи, под

¹ Чесаться.

которым обнаружилась феноменальная лысина, которую он, видимо по привычке, энергично потёр ладонью. Задумался, а затем коротко приказал что-то Шерсону, взмахом руки указав в сторону вокзала, сам же остался наблюдать за некромантским порождением.

В этот момент Сиу Лин поборолась оцепенение и вновь затянула свою песню, начав с той же ноты, с которой прервалась. Тварь перестала принюхиваться и, уверенно пробежав с десятков сажень, скрылась в темноте. Толстый колдун последовал за потусторонней ищейкой.

* * *

— Справишься? — Старик с надеждой посмотрел на тщедушную девчонку и, увидев, что та покачала головой, стал дрожащими руками перезаряжать ружьё.

Шерсон лёгкой походкой приближался к вокзалу.

Сиу Лин отпрянула от окна, съёжилась в тёмном углу и продолжила петь так тихо, как только могла.

— Есть кто? — начал колотить в запертые двери колдун.

— Кого там черти несут? — прохрипел жалким голосом побледневший смотритель, пытаясь дрожащими пальцами загнать в ствол патрон.

— Откройте! — резко ответил Шерсон. — Мне нужно проверить, ничего ли не произошло.

— Это, сударь, не ваше дело, что тут произошло и произошло ли! — осмелел смотритель, справившийся с патроном. — Считайте, что сигнальная петарда случайно взорвалась.

— В таком случае мне, как врачу, тем более необходимо убедиться, что никто не пострадал!

— У всех всё в порядке, доктор, идите своей дорогой!

— И всё же я готов настаивать! — Шерсон подошёл к окну, прижался лицом к стеклу и попытался разглядеть, кто же ему отвечает. — Это общественное здание, и я требую пустить меня в зал ожидания! — начал настаивать некромант, увидев перед собой старого железнодорожного служащего.

— А билетик-то у тебя есть, господин хороший? — осклабился дед Прокоп и направил ружьё в лицо долговязому. — Вход только для пассажиров! Руки вверх!

— Ах, даже так! — протянул Шерсон и сделал хитрый пасс рукой, в результате чего вокруг него зарыбил серый энергетический щит. — Открывай, старый болван, иначе я вынесу дверь! И этот ржавый карамульдук[59]¹ тебе ничем не поможет! — От раздражения в речи колдуна прорезался сильный акцент.

— Ты мне ещё и угрожать будешь? — повысил голос смотритель. — Я при исполнении! Сюда уже спешат жандармы! Убирайся по-хорошему, проклятый бусурман!

В ответ Шерсон лишь равнодушно хмыкнул, коротко пожал плечами и, сложив губы трубочкой, выдохнул тёмно-серый дымок проклятья, без труда просочившийся сквозь стекло и окутавший голову старика. Ружьё бессильно грохнуло, выпав из ослабших рук дежурного по станции. Глаза его закатились, и Прокопий Кузьмич умер даже раньше, чем его безвольное тело коснулось пола.

— Не-е-е-ет! — Сиу Лин с горящими гневом глазами ринулась к старику.

— Blimey![60]¹ — осклабился Шерсон. — The mouse walks right into the trap![61]²

¹ Длинноствольное фитильное или кремнёвое ружьё, которое использовалось у среднеазиатских народов примерно с XIX по начало XX века. Насмешливое обозначение любого устаревшего или самодельного стрелкового оружия.

¹ Ты глянь-ка-ся (англ.).

² Мышка идет прямо в мышеловку! (англ.) Аналог пословицы «На ловца и зверь бежит».

Тусклый осенний рассвет едва-едва подсветил серое небо.

Колдун потянулся во внутренний карман сюртука за очередным стелламиновым бруском, почувствовав, что действие предыдущего закончилось в тот момент, как проклятье слетело с его губ.

Сиу Лин, понявшая, что дедПрокоп мёртв, подняла взгляд на стоящего за окном некроманта, открыла рот и выдала оглушительную трель, которую можно было бы принять за обычный девичий визг, если бы от его звука не лопнуло толстое стекло, а с некроманта не сдуло бы колдовской щит и сам он не отлетел бы назад на пару саженей.

— Damn girl![62]¹— выругался растерявшийся усач и вновь потянулся во внутренний карман. — Bloody stellamine![63]²— Шерсон понял, что в кармане колдовского металла больше не осталось.

Шаманка встала, отвела руки назад и вновь пронзительно завизжала.

Колдун кубарем скатился с небольшой насыпи, на которой был построен вокзал, с трудом поднялся и, оступаясь, бросился в сторону, где скрылись мистер Уотлок и призванная тварь.

Сиу Лин стояла в полнейшем ступоре, не понимая, что делать дальше. У её ног остывало тело старика. Ночной мрак потихоньку отступал перед набиравшим силу рассветом.

Тут рельсы тихо запели, и из-за поворота показался паровоз, тянущий обещанный рабочий поезд.

Не прошло и минуты, закрипели тормоза, лязгнула крышка поддувала, зашипел инжектор[64]¹, включился сифон[65]², и из дымовой трубы повалили густые клубы пара вперемешку с угольной гарью. Поезд сбросил ход.

Шаманочка выскочила из вокзала и, чуть не кувырнувшись с насыпи, спустилась на перрон.

— Ты едешь или как? — крикнул молодой кондуктор с нахальным и прыщавым лицом с тормозной площадки единственного вагона. — Поезд ради тебя одной останавливаться не станет!

Сиу Лин охнула и припустила вслед за начавшим набирать ход составом.

Устроившись на жёсткой скамье полупустого холодного вагона, она прижалась к стеклу и проводила взглядом вокзал, укоризненно глядящий ей вслед разбитым окном.

— Прости меня, дедушка Прокоп! — прошептала она.

Сиу Лин не могла видеть, как спешит вслед за задорно стучащим на стыках рельс вагоном некромантская тварь, как она останавливается, поняв, что не может настигнуть разогнавшийся поезд, и как в отчаяньи воеет, развеиваясь серыми хлопьями пепла.

— She's not going anywhere[66]¹, — злобно сплюнул на рельсы сэр Уотлок, провожая ненавидящим взглядом удаляющийся поезд. — How many times do I have to tell you, Sherson, — never leave without extra stellamine![67]²

— Sorry, Mentor! Won't happen again![68]¹— повинился Шерсон, и оба скрылись в клубах утреннего тумана, привычного для гостей с Альбиона.

¹ Проклятая девчонка! (англ.)

² Чёртов стелламин! (англ.)

¹ Устройство, позволяющее перекачать воду из тендера, в котором она находится при атмосферном давлении, в котёл, где вода находится под давлением в десятки атмосфер.

² Устройство для создания искусственной тяги в котле паровоза. Оно устанавливается в дымовой камере и служит для создания разрежения в период бездействия конуса (при заправке паровоза, на стоянках, при езде с закрытым регулятором).

¹ Девчонка куда не денется (англ.).

² Сколько раз Вам повторять, мистер Шерсон, — не забывайте брать с собой побольше стелламина! (англ.)

¹ Простите, наставник! Такого больше не повторится! (англ.)

НЕЖДАННОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

* * *

14 октября 1901

Н-ск

— Где же ты мыкалась так долго? — нетерпеливо всплеснула руками Нина Вячеславовна, дослушав до того места, где шаманочка села на обратный поезд.

— В Москве... — Утомившаяся Сиу Лин откинулась на подушку и подняла тоскливый взгляд к потолку, явно пытаясь сдержать эмоции. — Сперва я собиралась продолжить путь в столицу, чтобы закончить дело, ради которого мы с наставником пустились в это нелёгкое путешествие...

— И что же тебе помешало? — Ланина подбодрила замолчавшую девушку.

— У меня не было денег на столичный экспресс, и я решила заработать их выступлениями.

— И тебя, конечно же, арестовали за бродяжничество, — догадался Егоров.

— Да! — всхлипнула Сиу Лин. — Артисты, устраивающие представления на рынке, у Бутырского вокзала поначалу были так добры...

— Но сдали тебя первому же городовому... — закончила за девушку Нина Вячеславовна.

— И я так и не поняла почему, — подрагивающими от обиды губами произнесла шаманка.

— Тут всё очень просто, — усмехнулась Ланина. — Все, даже самые заваливающие, места для выступлений давно меж бродячими артистами поделены. За них чуть ли не дерутся. И тут являешься ты... Небось ещё и спела так хорошо, что монеты рекой полились?

— Так и было! — расстроилась девушка.

— Ну вот тебе и ответ: жадность и зависть, — развела руками Елена, а сама подумала: «Батюшки- святы, какой же наивный ребёнок!»

— Получается, всё это время ты провела в тюрьме?

— Ага, — всхлипнула Сиу Лин. — Сперва держали в околотке, потом привели к судье. Тот лишь спросил, какого я сословия, да не слушая, определил сразу в Сибирь... [69]¹

— И как же тебе удалось сбежать? — удивился поручик.

— Меня вместе с другими осуждёнными на поселение сажали в арестантский вагон до Томска...

— Боже! — не смогла сдержаться Нина Вячеславовна.

Сиу Лин сглотнула подступивший к горлу ком и с видимым трудом продолжила:

— Я потратила все силы, но смогла без помощи учителя отвести глаза конвойным, на секунду погрузиться в мир духов, шмыгнуть под колёса, да затеряться между составами... А там... В тупичке стоял вагон, на котором было написано: «Срочный возврат на станцию Н-ск». Я подумала: «А почему бы и нет». Вот так я тут и оказалась.

Шаманочка тяжело выдохнула и вдруг, сама того не ожидая, очень по-детски разревелась.

— Ну! Ну! Не рыдай! Дело прошлое! — Нина обняла девочку, и та уткнулась ей в плечо.

— Ты назвала судье своё имя? — Смутьившийся поручик попытался продолжить опрос.

— погоди, дай ребёнку успокоиться! — мягко укорила его Ланина и села рядом с Ниной Вячеславовной. — Пойди пока. Доложись исправнику.

¹ В начале XX века в Российской империи (как и во многих других европейских странах), бродяжничество квалифицировалось как уголовное преступление. Наказание за бродяжничество было суровым.

— Я всё никак не могу взять в толк, кто тут начальник, а кто помощница, — раздражённо проворчал Дмитрий Иванович, но поднялся и покинул кабинет.

— Извини, что вмешиваюсь, — обернулась целительница к Елене, — но ты не боишься лишиться своего нового места?

— А что такое? — удивилась та.

— Мне показалось, что ты слишком откровенно пользуешься... вашими личными взаимоотношениями.

— О чём Вы? — Ланина как будто никак не могла взять в толк, о чём говорит Нина Вячеславовна.

— Крутишь ты им, — без обиняков заявила проплакавшаяся Сиу Лин. — Видно же, что он этого долго терпеть не станет.

— Неужто так заметно, что кручу? — ухмыльнулась бывшая ведьма.

— Ещё как! — хором подтвердили шаманочка и целительница.

— В том числе и ему! — Как ни пыталась Нина Вячеславовна избежать назидательного тона, ей этого не удалось. — Ты ведь ещё не рассказала?..

Елена потупилась и помотала головой.

— О чём не рассказала? — Глаза Сиу Лин заблестели от любопытства.

— Много будешь знать, плохо будешь спать! — поддразнила её Ланина.

— Всё смеёшься, смотри, как бы поздно не стало... — покачала головой Нина

— Да о чём вы? — Шаманочка была готова взорваться от любопытства.

— А о чём вы? — поинтересовался вошедший в кабинет поручик.

— Да так... — вздохнула Елена. — Вы, Ваше Благородие, так быстро рассказали полковнику о приключениях нашей гостьи? — По всему, Ланина вняла совету Нины: её тон был почтителен и деловит.

— Я как мог кратко доложил об обстоятельствах гибели шамана. — Егоров не подал виду, что заметил переменявшееся поведение своей помощницы, однако бросил благодарный взгляд Нине Вячеславовне. — Владимир Петрович обещал присоединиться к нам с минуты на минуту, как только составит текст ответной депеши для столичного управления.

— Бедной девочке придётся рассказывать всё заново? — с тревогой спросила Нина Вячеславовна.

— Может быть, когда-нибудь позже, — покачал головой поручик. — Сейчас Его Высокоблагород

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.